

АВЕТИК СААКОВИЧ ИСААКЯН
[19(31).10.1875, Казарпат, близ Александрополя (Гюмри), - 17.10.1957, Ереван]

Армянский поэт. Академик АН Армянской ССР (1943). В 1889—92 учился в Эчмиадзинской духовной семинарии "Геворкян". Печататься начал в 1892. За деятельность, направленную против царизма, был арестован в 1896 и выслан в Одессу. В 1897 издал первый сборник стихов "Песни и раны". Лиризм, эмоциональность, напевность его стихов сразу сделали его имя популярным. Лучшие творения полны скорбных и мучительных раздумий о судьбах человечества, о несправедливости жизненного устройства, проникнуты любовью к родине, к народу ("Эй, джан-отчизна...", "Зиме конец, весны черёд...", "Ты не поймёшь" и др.). Накануне и в период Революции 1905—1907 в России в его произведениях с особой силой зазвучали мотивы борьбы против национального и социального гнета (стихотворения "Колокол свободы", "И злобы святой, и мщения ад" и др.). В 1908 был вторично арестован. Многие дореволюционные стихи выражают чувства духовного одиночества, безысходной тоски, отчаяния, гнева против жестокого мира, его несправедливостей. В 1909—11 И. создал философскую поэму "Абул Ала Маари", в которой выразил трагедию одинокой сильной личности, бичевал "кровожадную власть", право, суд, мораль. Печатание поэмы было запрещено царской цензурой. Преследуемый охранкой, в 1911 эмигрировал за границу. В эмиграции написал восточные легенды и поэмы в прозе ("Лилит", "Ли-Таи-По" и др.), лирические стихи, передающие тоску поэта по родине. За границей (позднее в Армении) работал над романом "Уста Каро", который остался незаконченным. В годы 1-й мировой войны 1914-18 написана историческая баллада "Наши предки" (Женева, 1917) о бессмертии народа. В поэме "Сасна Мгер" (Женева, 1919) создан образ Мгера-богатыря, заступника обездоленных. В 1926 приехал в Советскую Армению. Здесь он опубликовал новый сборник стихов и рассказы "Трубка терпения" (1928) и др. С 1930 по 1936 за границей выступал как друг Советского Союза. В 1936 поэт навсегда вернулся из Парижа на родину. В Советской Армении он вёл большую культурно-общественную работу; создал циклы новых стихов ("Наши историки и наши гусаны", 1939, "Моей родине", 1940, "Армянская архитектура", 1942, и др.), переработал поэму "Сасна Мгер" (1937).

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 создал патриотические стихи ("Бранный клич", 1941, "Сердце моё на вершинах гор", 1941, "Вечной памяти С. Г. Закияна", 1942, "День великой победы", 1945, и др.), за которые ему присуждена Государственная премия СССР в 1946. Был членом Советского комитета защиты мира. В 1946—57 председатель Союза Писателей Армении. Проникнутое гуманизмом, огромным уважением к человеческому достоинству творчество глубоко связано с историей и культурой армянского народа, с лучшими традициями русской и мировой литературы. А. Блок ещё в 1916 писал: "... поэт Исаакян - первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет" (Собр. соч., т. 8, 1963, с. 455—56). Многие стихи положены на музыку и стали народными песнями, переведены на ряд иностранных языков. Депутат Верховного Совета Армянской ССР II-IV созывов. Награжден 2 орденами Ленина и медалями.

РАССКАЗЫ

МАЛЬЧИК И СОЛНЦЕ

Ребенок-сирота, одетый в лохмотья, сидел, съежившись, возле дома богача. Его вытянутая рука просила у людей подаяния.

Цвела весна, высившиеся неподалеку горы оделись уже в зеленый наряд, и весеннее солнце смотрело на мир добрыми глазами.

Мимо мальчика сновали люди, но никто из них не взглянул на него, никто не обратил внимания на горемычного сироту.

Солнце медленно шло к закату и, наконец, спряталось по ту сторону зеленых гор: подул холодный ветер, и мальчик сильно продрог.

- Ах, красное солнышко, доброе солнышко, меня согревали твои лучи, куда же ты уходишь, зачем оставляешь меня одного в этом холоде и мраке? У меня нет матери, нет дома. Куда же я пойду, где мне искать себе приют?.. Вернись, вернись, возьми меня с собой, милое солнышко.

Так говорил безмолвно, в душе, сирота-мальчик, и слезы одна за другой катились по его бледным щекам. А люди спешили домой, и никто не захотел взглянуть на мальчика, никому не было до него дела.

Последний солнечный луч скользнул по плечам гор и погас.

- Милое солнышко, я знаю, ты ушло в свой дом, к своей матушке. Я знаю, где твой дом, вон он там, за горой. Я приду к тебе, сейчас приду...

И встал бедняжка сирота, дрожа от холода, и побрел, держась за стены дома богача. Шел он, шел, миновал город и достиг подножия гор. Труден был его подъем: кругом камни и камни, ступая по ним, он изранил себе ноги, но, не обращая внимания на сильную боль, шел без остановки.

Ночь закрыла своим черным крылом зеленые горы. Только высоко над вершинами гор мерцали звезды, словно ласковые, манящие огни. Дул сильный ветер, завывал в ущельях, свистел между скалами. Порою, летучие мыши в поисках ночной добычи задевали мальчика своими крыльями.

Но мальчик твердым шагом, бесстрашно шел все вверх и вверх. Неожиданно он услышал собачий лай, и немного погодя из непроглядного мрака до него донесся голос:

- Кто ты и куда идешь?

- Я маленький странник, иду к солнцу. Скажи, где живет солнышко, далеко ли его дом?

Держа лучину в руках, к нему подошел какой-то человек и ласково сказал:

- Ты, наверное, устал, мальчик, хочешь есть и пить, пойдем ко мне. Как же это отец и мать бросили тебя одного в эту холодную, темную ночь?

- Нет у меня ни отца, ни матери, я бездомный сирота...

- Пойдем, мальчик, пойдем ко мне в дом... - сказал добрый незнакомец и, взяв мальчика за руку, повел его за собой.

Они вошли в бедную хижину. Возле очага сидели женщина и трое маленьких детей. Рядом в закутке дремали овцы. Незнакомец оказался горным пастухом.

- Милые мои детки, я привел к вам братца, было вас трое, отныне станет четверо. Тот, кто кормит троих, может прокормить и четверых. Любите же друг друга крепко. А сейчас подойдите, дети, поцелуйте своего нового брата.

Жена пастуха первая обняла мальчика-сироту и горячо поцеловала его. Потом подошли дети и по-братски поцеловались с ним.

Заплакал от радости мальчик и долго не мог успокоиться.

Потом сели за стол, радостные и оживленные. Мать постелила детям постели и уложила их всех около себя. Усталый мальчик, как только закрыл глаза, тотчас заснул крепким сном.

Во сне на лице его была счастливая улыбка, ему снилось, что он, наконец, возле солнца, держит его и лежит в его теплых объятиях.

Затрепетало его сердце от восторга, он вскочил и увидел, что крепко держит за руку свою названную мать, а во сне обнимал не солнце, а своих братьев.

И понял тогда мальчик, что солнце именно здесь, в этом доме, и именно его он держал в своих объятиях...

1905 г.

АГА НАЗАР

Был Назар гзыром - рассыльным при старосте - в маленькой деревушке, и человек он был ленивый, бедный, а главное, трусливый донельзя, хоть и очень любил важничать да себя нахвалять.

Был наш Назар толстенький коротышка, всегда подпоясанный широченным поясом. С одного боку свисал у него большой красный платок, а с другого торчали из-за пояса принадлежности для письма.

Как-то так случилось, что покойный поп выучил его читать и писать, - немного, самую малость, - и Назар считал себя поэтому единственным грамотеем и разумником на селе.

Была у него и жена, женщина бойкая и расторопная. День-деньской работала она по дворам у соседей - хлеб пекла, коров доила, - только этим дом и держался. За свою должность Назар получал сущие гроши, да и те тратил на табак, на водку и пользы семье не было от него никакой. Еще, слава богу, что днем он хоть ненадолго, да убирался из дому - то к соседям пойдет, то к старосте. А не то, где бедняжке-жене прокормить Назара - поесть тот не ленился - только подавай. Детей у них не было, достатка тоже - из живности один только черный осел, петух да несколько кур. Домишко их в две каморки стоял на краю деревни. В одной каморке жили муж с женой, в другой - осел да куриное семейство. И до того ветхий был домишко, что, когда куры на кровле в земле копошились, внутри песок так и сыпался с потолка, ни дать ни взять частый дождичек. А уж если, не приведи бог, осел заревет - весь дам ходунам ходит, трясется. Ветер поднимется - того и гляди подхватит домишко, да и унесет с собой.

- Эй, человек, - жаловалась, бывало, жена Назара, - и зачем только я на свет родилась и за тебя замуж вышла! Разве это жизнь? Мука одна...

- Что ж я могу сделать, жена? - отвечал Назар. - И сам знаю, что плохо живем, да что поделаешь? На этом свете, как я погляжу, лучше человеку иметь с наперсток счастья-удачи, чем кувшин ума. Будь это не так, мне ли бедняком быть, сама посуди. Слава богу, ведь не бестолочь я какая-нибудь!

- Бестолочь не бестолочь, но и толку от тебя ни на грош. При чем тут счастье? Или ты думаешь сиднем сидючи горшок червонцев найти? Иди, - уговаривала его бедная женщина, - иди бейся хоть головой об камень, а камнем об голову - все работа, займись чем-нибудь, может, денег заработаешь, человеком станешь!

- Баба ты, вот и болтаешь пустое. Я говорил и опять говорю, что все дело в везенье. Коли должно повезти человеку, так и без работы повезет. Чем я хуже других? Самый грамотный человек во всей деревне, да вот беда - не везет мне. Куда до меня старосте или тому же Погосу-аге! Ни ума у них моего, ни удали молодецкой - я их обоих в один лаваш заверну и зараз проглочу! Но, видишь, есть у них счастье-удача, а потому и золото само в руки плывет.

- Слюни бы сперва вытер, а уж потом судить совался, - насмехалась жена. - Сам на человека не похож, а туда же - от других нос воротит.

- Молчать! - орал Назар. - Где это видно, чтобы жена смела главе семьи перечить! Эх, нет мне везенья-удачи!.. Будь я удачлив, жена бы у меня была царская дочка, а не такая ведьма, как ты.

И в сердцах выскочит, бывало, из дому, хлопнет дверью перед носом у жены, сядет на своего черного осла - в одной руке дубинка, другая рука на рукоятке ржавой-прержавой сабли, которую он носил на поясе, - прищпорит осла и едет самой серединой деревенской улицы. Едет и бормочет себе под нос: "Счастье, счастье надо иметь. Ум, храбрость-это все пустяки".

Деревенские ребяташки увяжутся, бывало, за ним следом и кричат:

- Здравствуй, здравствуй, хвастунишка Назар. Летишь на огненном коне разбойников ловить? Удачи тебе!

Взбеленится Назар, и ну лупить дубинкой сорванцов, которые под руку подвернутся.

- Цыц, сопляки? Я вам в отцы гожусь! Я главнее ваших отцов, я ага Назар. А ну молчать, не то уши обрублю.

- Не будем, не будем больше, ага* Назар! Добро пожаловать, ага Назар! Добро пожаловать!

- Молодцы, сынки, так и говорите - ага Назар. И едет себе Назар, довольный и радостный - во рту трубка, из нее дым валит, словно из печи. Едет, едет, у дверей старосты останавливается. Разносит приказы старосты от дома к дому; в одном доме хлеба с маслом поест, в другом мацуна* перехватит, в одной месте стаканчик пропустит, в другом яичко проглотит.

Стемнеет - и ага Назар, сытехонький и под хмельком, возвращается домой со своим ослом.

Как-то раз вечером жена Назара разожгла очаг, поставила на огонь глиняную миску с водой и в ней немного свеклы.

Назар развалился, как важный барин, на набитой травой подушке. Как всегда, он был навеселе и потому пыжился, словно львица его вскормила. Так вот, откинулся он на подушку, закурил трубку и сидит, рассуждает:

-Эх, жена, как подумаешь - до чего несуразно все на свете заведено! Вот в нашей деревне, к примеру, нет никого ни умнее, ни грамотнее, ни храбрее меня. Сегодня опять такие умные речи вел перед старостой и нашими ослиными головами... я хочу сказать, главами нашей деревни... Они прямо рты поразевали. А что толку?

Жена молчала. Ей было не до разговоров: бедняжка с утра до самого вечера была на ногах - мыла на речке шерсть соседям и устала до смерти.

- Эх, жена, недаром говорится: счастье - слепая курица, хоть и несет золотые яйца, да все недостойным в подол. До чего же мудрые слова!

С пьяных глаз Назар болтал без умолку, хотя и не получал ответа. Поели, стали спать укладываться. Было у них в обычае перед сном всегда вместе к ослу наведываться: подкинут ему травы и обратно возвращаются. Хотя какой там обычай! Сказать по правде, Назар просто-напросто боялся ночью один во двор выходить, вот и говорил всякий раз жене: ты посвети, а я посмотрю, есть у осла что пожевать или нет.

И вот жена посветила, а Назар дверь открыл. Ночь, на летнем небе золотые звезды сверкают.

- Жена, эй, жена, вот привалит мне счастье-удача - большим человеком стану, и золота у меня будет - что звезд на небе...

- Ослом лучше займись! Ничего из тебя путного не выйдет.

- Ты что это? Значит, пусть даже и повезет - не выйдет из меня большого человека?!

- Да, да, да! Повезет, не повезет - все едино: из тебя никакого человека не выйдет, а уж большого-то - и подавно!

- Это ты всерьез? - разобиделся Назар.

- Да уж всерьез, всерьез, слюнтая этакий!

- Заткни глотку! - рявкнул Назар.

-- А ну, проваливай с глаз долой, хватит голову морочить! Всю душу вымотал, пустобрех, пьянчужка несчастный! - воскликнула в сердцах жена, забежала в дом и накрепко заперла дверь.

Бедняга Назар остался за дверью и дрожмя дрожал от страха.

- Вот оно, мое счастье-то... Где это видно, чтобы жена мужа из дому выгоняла!

- Такого мужа, как ты, и вовсе не иметь - беда невелика! - закричала жена. - Вот, бери свою саблю, дубинку - и убирайся, чтобы глаза мои тебя не видели.

Приоткрыла дверь и выбросила за порог все Назарово снаряжение: саблю, перо с чернильницей, шапку и платок.

- Женушка, дорогая, куда же я пойду среди ночи? - взмолился Назар.

- По мне - хоть к черту в лапы. Иди, куда хочешь...

Клянчил Назар, клянчил - ничего не помогло.

- Вот уж повезло, так повезло, - сказал он себе печально, прикорнул возле осла на куче сухого навоза и сам не заметил, как уснул.

Еще и солнце не взошло, а Назар уже вскочил, как ошпаренный: слепни его облепили, так и жужжат над головой, кусают, совсем заели беднягу.

Вышел из себя Назар. Как размахнется спросонок, как хлопнет себя до лицу! И что же видит: большущие слепни так и посыпались замертво на землю один за другим. Посмотрел он... ну и много же их! Сотни... да нет, больше, намного больше... пожалуй, с тысячу наберется... и не сосчитать!

- Нет, я мужчина что надо! Одним ударом целую тысячу уложил...

И сразу встал, расстелил свой большой красный платок, окунул палец в чернильницу и намалевал на платке преогромными буквами:

"Ага Назар, ага Назар

Тысячу бьет за один удар".

Повесил платок на конец дубинки - чем тебе не знамя, - саблю к поясу прицепил, сел на осла, сунул трубку в зубы, окутался дымом, как облаком, и говорит:

- Позор тому мужчине, который на бабу хоть слово потратит!

И вот наш Назар, ага Назар, выехал на своем осле на большую дорогу. Знамя в руках, сабля у пояса, трубка в зубах, голову высоко держит, папаха на затылке. А уж гордый - ни дать, ни взять важный барин.

Путники, что пешие, что конные, как увидят Назара, осла его и саблю, как прочтут, дивясь, надпись на знамени - так и трясутся от страха.

- Ой, горе нам, ага Назар, к ногам твоим припадаем, пощади нас, ничтожных!

- Ступайте своей дорогой, - велит Назар и берет с каждого дани понемногу: с одного - хлеба да табачку, с другого - водки да кишмишу и еще чего-нибудь по мелочи. Идут дальше путники и рассказывают всюду о молодецкой удали и доброте Назаровой.

А Назар едет себе и рассуждает сам с собой. "Это судьба моя их ко мне приводит. Захочет судьба - караваны с золотом приведет, золотом меня засыплет".

Не успел сказать - так оно и вышло.

Как раз въехал ага Назар по пути в одно ущелье, только-только из него выбрался, глядь, у подножия горы пыль клубится, и из этой пыли звон да перезвон, звон да перезвон: караван идет. Да ведь какой караван-то! Голова уже у подножия горы, а хвост еще на вершине, еле-еле из-за туч показался.

"Ну, если повезет - мой этот караван будет!"

Подошел караван поближе. Увидел Назар, какая у предводителя каравана сабля, какое копьё длинное - съежился от страха и притаился за камнем у дороги. Дошел караван до этого камня, тут предводителю и попались на глаза острые ослиные уши да кончик знамени. Он кричит:

- Эй, кто ты? Человек или нечистая сила?..

Услышал Назар этот окрик - чуть не помер с перепугу, душа в пятки ушла. "Тут уму да храбрости не место, - смекает, - тут везенье надобно". Выбрался из-за камня, встал перед караваном и завопил, что есть мочи:

- Это я, ага Назар,
Что тысячу бьет за один удар.

Глянул главный караванщик на знамя - оторопел, услышал громкий голос Назара - перепугался. Совсем голову потерял и бух со своего верблюда прямо в ноги Назару.

- О великий Назар, христом-богом молю, караван наш пусть будет жертвой тебе, только даруй жизнь мне и моим товарищам! Мы ведь люди маленькие, на других работаем денег ради...

- Дарую, - смилостивился Назар. - Неохота мне попусту кровь людскую проливать.

Подошли караванщики, поклонились Назару в ноги и отдали ему караван со всей кладью.

Очень обрадовался Назар. А на караванщиков глянул, видит - те носы повесили. "Нет, - думает, - надо себя показать". Взял и подарил каждому по верблуду со всей поклажей, а главному их - так даже двумя верблюдами больше.

- Ступайте, детей своих поите-кормите. А хозяевам окажите, что ага Назар караван себе забрал. И ничего не бойтесь.

Конца-краю не было благодарностям караванщиков. И пошли они своей дорогой, радостные донельзя, прославляя по всему свету отвагу и доброту Назара.

А Назар, теперь уж точно Ага Назар, проехал на своем осле вперед и один-одинешенек повел за собой целый караван. Покуривает трубку и рассуждает вслух:

"Говорил же я, что все дело в везенье! Ум, храбрость - все чепуха. По-моему ведь вышло? По-моему. А теперь, Ага Назар, отведи-ка свой караван в город продай, построй себе хоромы богатые, завались на бочок и живи-поживай припеваючи".

Едет Ага Назар, едет, долго ли, коротко ли - про то дорога знает, и доезжает до владений соседнего царя. А в тех краях, оказывается, разбойников развелось видимо-невидимо. Назару и невдомек, едет себе - в ус не дует.

Притащились разбойники в засаде вдоль дороги, ждут не дождутся, как бы обогнуть какого ни на есть прохожего-проезжего и вдруг видят - караван, большой, пребогатый. От радости сердце у каждого так и запрыгало! Да только подошел караван поближе, нашелся среди разбойников, грамотей, прочел надпись на знамени, узнали, что караван-то Назаров - тут разбойничков словно холодной водой окатили. "Так это Ага Назар! Вот так штука! Слыхали, слыхали про такого, а теперь и сам пожаловал...", - говорят со страхом один другому. Сразу же сели совет держать. "Слыханное ли это дело: один-одинешенек ведет за собой целый караван, которому конца не видать! Ни тебе охраны, ни помощников... не иначе, мерещится это нам, братцы"...

- Какое там "мерещится"! Наяву это.

- У Ага Назара или сила нечеловеческая, как у чудища исполинского, или хитрость сатанинская.

-Нет, ребята, самое милое дело - не соваться, пусть едет своей дорогой, а то долго ли до беды!

Конец спорам положил атаман. "У Ага Назара, - говорит, - и сила нечеловеческая, и хитрость сатанинская. Иначе где бы ему на шелудивом осле тысячу дорог проехать, зло карать, врагов в трепет вгонять старой ржавой железкой! Не время сейчас шутки шутить. Пойдем-ка, лучше всего, сложим наши сабли к ногам Ага Назара, упросим, пускай станет старшим над нами. С ним мы здесь весь мир к рукам приберем!"

На том и порешили. Вышли все сорок, как один, поклонились Назару и сложили свои сабли к копытам его осла.

Назар разобраться не успел, что к чему. Атаман ему говорит:

- Ага Назар, мы все, сорок молодцов, отныне твои слуги. Я атаман этих удальцов, и вижу теперь, что ты один достоин быть нашим главой-головой.

- Молодцы, ребята! - говорит Назар спокойным голосом и слюни вытирает. - Уж если я в одиночку тысячу побиваю с одного удара, так вместе нам и сто тысяч нипочем. Никому на свете с нами не справиться!..

Подхватили разбойники Ага Назара, увезли в свою крепость на горе, что поглядывает с высоты во все четыре стороны, словно коршун, добычу высматривает.

Усадили его на почетное место, на ковер дорогой, подали трубку богатую, сами склонились перед ним, стоят, не садятся.

Принесли яства отменные, вина отборные. Сидит Ага Назар, гордый и счастливый. А атаман ему говорит:

- Ага Назар, ты живи себе по-царски, не утруждай себя. Имя твое с нами будет - этого за глаза хватит.

И пошли сорок разбойников - нападают с именем Назара на кочевья и караваны, налетают на села и города, грабят, крушат, добычу набирают, данью облагают. Имя Назарово так и гремит и здесь и там, народ повсюду в страхе и трепете.

И вот раз собрались горожане и крестьяне - и пошли к царю с жалобой. Не знаем, мол, кто у нас теперь царь, кому подати платить. Двум царям сразу платить нам не под силу, извелись мы, совсем извелись. Или ты царствуй, как следует, или мы к Ага Назару подадимся.

Собрал царь целую рать, пришел однажды ночью, стал со своим войском против Назаровой крепости. Рано поутру увидели разбойники войско, пришли к Назару и говорят:

- Ага Назар, тысячу бьющий за один удар! Тебя мы как раз для такого великого дня берегли, чтобы умножилась твоя слава, чтобы имя твое моря перешагнуло. Царь пришел! Шатров разбил видимо-невидимо, воевать хочет.

У Назара с перепугу сердце мелкой дрожью затрепыхалось, еле-еле дым от трубки изо рта выдохнул, а сам отвечает:

- Очень хорошо... Готовьтесь... Пойдем... А в мыслях говорит себе: "Не место тут удаль показывать! Не две у тебя головы, чтобы на царево войско лезть! В удаче все дело. Вот если повезет..."

А в царевом войске - переполох. Воины его, все до-единого, слышали из тысячи уст про беспримерную храбрость Назара, про ум его, про великодушие, и теперь, когда пригнали их с ним воевать, не таясь говорили: как же нам выйти против Ага Назара, когда он одним ударом тысячу побивает! Мы драться не будем. Пускай Ага Назар и наш царь между собой сразятся, кто победит, тот пускай и царем станет.

И все войско в один голос так и сказала царю, чтобы тот один вышел против Ага Назара, а Ага Назар пускай один против царя выйдет. Корона, мол, самому храброму пристала и незачем зря кровь проливать. А, нам, мол, драться ни к чему.

Послали с этой вестью послов к Назару.

- Хорошо, пусть будет так, мне все равно, - отвечает храбрый Назар, а про себя думает: "Все одно - пропадать!"

И вот царь встал грозно среди толя. Конь у него - что пламя, в руках громадный меч сверкает.

Привел атаман Ага Назару своего скакуна быстрого. Ага Назар отказался. Не надо, - говорит.

Дает атаман свой клинок, что железо разрубает - отказался Ага Назар. Не надо - говорит.

И народ и войско - все диву дались.

А Ага Назар взгромоздился на осла, в одну руку знамя свое взял, в другую - саблишку ржавую и выехал, встал напротив царя.

Посмотрел царь на Ага Назара, на осла его, на саблю, и думает: "А, понял: удаль Ага Назара в его уме! Тут силе не место. Надо смотреть в оба: что он станет делать, то и я буду".

- Это ты Ага Назар? - спрашивает.

- Сам не видишь, что ли? Или не похож я на Ага Назара? Вон, читай на знамени! - Назар отвечает. А у самого от страха все поджилки трясутся. Пригнулся Назар и спрятал голову за ослиной шеей. "Вот сейчас - ударит!.. Вот сейчас ударит!" - думает в ужасе.

А царь-то, оказывается, как и Назар, голову спрятал за шеей своего коня, душа у него тоже в пятки ушла, ждет царь, что дальше будет. Видит Назар - удар что-то запаздывает. Дай, - думает, - посмотрю в чем там дело. Смотрит, а царь-то не меньше его перетрусил. Тут Назар прыг на землю и ржавой своей саблей ну лупить что есть духу царя по голове да по шее. Корона у того свалилась, по земле покатилась. Царь не успел ни головы поднять, ни ног из стремени вынуть - бьет да бьет Ага Назар, не дает передышки. Упал царь, растянулся замертво на земле, из разбитой головы, кровь ручьем льется.

Ага Назар взял корону убитого царя, нацепил на конец сабли, поднял высоко, показал войску, народу и своим разбойникам.

- Да здравствует наш новый царь, непобедимый Ага Назар, - грянуло войско, и трубы и барабаны огласили горы и ущелья.

- Век живи, наш старшой, наш мудрый царь Ага Назар! - завопили обрадованные разбойники.

И войско и разбойники кинулись к Ага Назару. Воины сложили оружие к ногам Назара, поклонились до земли, клятву в верности принесли. Потом надели Назару на голову корону, на плечи накинули царскую багряницу, и на своих щитах, с песнями и плясками внесли его в столицу царства.

Весь народ - матери и дети, старики и молодежь - все вышли встречать Назара. А он знай приветствия принимает и сам всех приветствует, как подобает царю. Наипервейшие люди царства на золотом подносе поднесли Ага Назару хлеб-соль и ключи от города. и все - как один встали на колени, поклялись быть верным и подданными.

Вышли вперед гусаны и запели:

Тебе, о царь Ага Назар,
Сердечный жар приносим и дар.
Живи сто раз ты по сто лет,
И после - тоже радуй свет...

О будь всегда могуч и прав!
Уменьем, славою из слав,
Как солнце - небо озари,
Царь, властвуй, побеждай, цари!

Чтоб нам года, недели, дни
Без страха жить в твоей тени!..
- Стране твоей - бескрайней быть.
И солнцу в ней - не заходить!

Великий царь Ага Назар.
Разящ и грозен твой удар!..
Живи и здравствуй тыщу лет
И после - тоже радуй свет.

(Пер. Е. Николаевской)

С большими торжествами, сквозь арки из цветов, ввезли Ага Назара во дворец.

Искупали его в розовой воде, умастили с ног до головы благовониями, волосы гребнем из слоновой кости расчесали, надели царские одежды, разукрашенные камнями бесценными и посадили на царский престол.

Знамя Назарово водрузили высоко над воротами, чтобы развевалось оно победно, врагам на страх, подданным на радость.

Саблю повесили над тронном, среди прославленных клинков прежних царей. А благородного осла, который по праву заслужил свою долю в славе хозяина, покрыли златотканной попоной, препроводили в царские конюшни, отвели лучшее место среди царских скакунов, и в яслях у него не переводился отборный, зернышко к зернышку ячмень. Пришла прекрасная царица, вдова побежденного царя, низко поклонилась новому царю и сказала:

- Поздравляю тебя с короной, Ага Назар, непобедимый муж мой.

И Ага Назар, как и подобает царю и мужу, обнял тонкий стан красавицы-царицы и отвел ей место по правую руку от себя.

Весь народ радовался и ликовал, что у них теперь такой мудрый и могучий царь.

Разбойников своих Ага Назар назначил кого визирем, кого назиром, одного главным палачом, другого главным казначеем, а остальных начальниками - кого над войском, кого над губерниями.

И вот царствует себе Ага Назар спокойно. Визирь-назир страны управляют и законы сочиняют, главный палач головы рубит тем, кто законы нарушает, а казначей по Назарову велению деньги чеканит. Военачальники к старым владениям новые присоединяют, губернаторы к старым сокровищам новые добавляют.

Во все концы света разнеслась слава об Ага Назаре. Прослышала о ней и прежняя Назарова жена, пришла, обняла своего прославленного мужа, похвалила ум его и уменье и по государеву велению села по левую руку от него.

И весь год напролет тысячи светильников освещали Назаровы палаты, целый год не кончались пиры под их мраморными сводами.

А перед дворцом гремели здравицы войска, гремели во славу царя-государя барабаны. Расселся Ага Назар на троне, на голове корона, на плечах багряница, прекрасная царица с одного боку, жена с другого боку.

На золотых блюдах подносят им плоды невиданные и сладости дивные. У подножья трона стоит знать родовитая с женами пригожими. Поют и пляшут девушки-красавицы в прозрачных шелках и златокудрые мальчишки-прислужники.

Покуривает Ага Назар жемчужную трубку да потягивает из хрустальной чаши сорокалетнее вино.

Попивает вино, поглаживает щечки красавицы-царицы и шепчет ей на ушко:

- Ну, видишь, царица, какой я мудрый и храбрый: был на посылках при сельском старосте - царя победил, сам царем стал. На этом свете счастье, удача - все пустяки, ум да удаль - вот что надобно.

Улыбается царица и подставляет Ага Назару белую, как мрамор, щечку. Наш мудрец-удалец целует ее и пьет сорокалетнее вино.

Выпьет и поворачивается к жене. Толкнет ее в бок и шепчет на ухо:

- Ну, видала, жена, как я царем заделался? Говорил же я тебе - все пустяки на этом свете, удача нужна - и ничего больше.

Хохочет жена и подставляет Ага Назару румяную щеку. Счастливый Ага Назар по старому своему, еще гзырскому обычаю, кусает женину щеку и пьет сорокалетнее вино.

Потом развалится на троне на дорогих подушках, закурит жемчужную трубку, размышляет, как этот свет устроен - и хохочет-заливается.

И по сию пору живет-здравствует Ага Назар. Сидит на троне, докуривает жемчужную трубку, размышляет, как белый свет устроен - и хохочет-заливается.

1911 г.

ШАКРО ВАЛИШВИЛИ

Шел 1905 год - тот незабываемый год, когда над всей необъятной Россией реяло знамя революции, под которым вышли на борьбу все угнетенные, все бесправные, все свободолюбивые люди.

В светлое майское утро этого замечательного года в одной из вечнозеленых долин Осетии собралась громадная толпа крестьян, чтобы послушать трибуна революции.

На каменистом бугре стоял молодой человек. Высоко подняв знамя, на котором пылали слова: "Свобода, Равенство, Братство", он горячо говорил о судьбе поработанного народа, о кровожадности угнетателей. Пламенно провозглашал он права человека и разъяснял цели революционной борьбы.

- Мы требуем, - сказал он, заканчивая свою речь, - свободы и земли. И то и другое в руках помещиков и князей. Вот почему мы должны завоевать их мечом и кровью. Кто из вас готов на эту борьбу? Пусть выйдет и станет под этим красным знаменем.

- Мы все будем бороться, жизни своей не пощадим! - дружно отозвались собравшиеся. - Знамя свободы для нас священо!

В наступившей тишине оратор заговорил снова.

- Да здравствует народ! - воскликнул он. - Но кто же из вас сможет всегда высоко держать это святое знамя? Кто возглавит народ и поведет на бой?.. Кто сможет до последнего вздоха, до последней капли крови бороться за это знамя, не побоится один-одинешенек пойти против тысяч, не оглядываясь, мужественно и непоколебимо? Подумайте хорошенько, - это вопрос серьезный, подумайте...

Он умолк. Умолкла и толпа. Тысячи лбов покрылись морщинами раздумья.

- Я повторяю, - заговорил оратор, прервав долгое молчание, - кто из вас во главе народа, преданный этому знамени, пойдет на борьбу и смерть... Даже если случится так, что все его покинут, сможет стать один на один против всей армии самодержавия?

- Я!.. - послышалось из толпы.

- Кто это? Пусть выйдет вперед.

Бурно всколыхнулась толпа: из ее глубин, словно пловец из глубин моря, взмахивая руками, появился юноша. Все взгляды устремились на смельчака.

- Шакро... Шакро Валишвили!.. - послышались голоса, и это имя пробежало по толпе.

- Это Шакро, Шакро!.. Дайте дорогу ему, дорогу!..

- Это Шакро, Шакро!..

Вышел вперед и стал под знаменем юноша в крестьянской одежде, вооруженный, грозный. Выбившись из-под шапки, упала на лоб прядь черных волос.

Юноша устремил горящий взгляд на знамя и протянул к нему руку.

- Нет, погоди, Шакро, - остановил его оратор. - Я знаю, что ты отважный человек, но чувствуешь ли ты в себе ту силу, которая поможет тебе стойко держать в руках это знамя и спокойно глядеть в глаза смерти?

- Да, - твердым голосом ответил Шакро. - Пусть даже весь мир будет против меня, я не предаю знамя свободы. Клянусь свободой, равенством и братством, клянусь всем, что священо для меня!.. Дайте мне знамя!

Оратор склонил знамя над головой юноши. Шакро снял шапку, отдал земной поклон, трижды поцеловал край знамени и принял его в свои железные руки...

Высоко подняв знамя революции, Шакро Валишвили бурей пронесился по горам и долинам во главе крестьянского отряда грузин и армян.

Он приводил в ужас кулаков-мироедов, лихоимцев и притеснителей народа, предавал огню поместья, брал в плен неправедных чиновников и вершил суд над ними.

Мужественные люди кавказских гор и ущелий собирались под его знаменем. Шакро стал грозой и ужасом для всех обдирал, князей, чинуш. Устрашенные им грузинские князья-помещики, чтобы изловить его, создали с помощью правительства банды черносотенцев, наемных убийц, шпионов, вооружили их и бросили против Шакро.

Немало сражений выдержал Шакро с этими бандами, часто одерживал над ними победы, но в один злополучный день случилось так, что враги окружили его в ущелье.

Как тигр сражался Шакро. Многие из его людей были убиты, остальные бежали или укрылись в расщелинах гор. С несколькими отважными товарищами Шакро смял ряды врага, но безжалостная пуля вонзилась ему в ногу. Лошадь, на которой он сидел, тоже была ранена и пала.

Шакро схватили, заковали в цепи и подвергли невыносимым пыткам.

Когда его привели к генералу, тот спросил:

- Ты Шакро Валишвили?

- Да, я Шакро Валишвили, - гордо ответил он.
- Ты жег, разрушал, убивал? - снова спросил генерал.
- Да, я жег, разрушал, убивал и... очень хорошо делал. Это - только начало...
- Молчи, негодяй! - заорал взбешенный генерал. - Я у тебя язык вырву!.. Говори скорей, кто были твои товарищи?..

- Весь народ и больше никто.
- Говори - кто? Называй имена. Я тебя прощу, если назовешь, ты парень отважный, жалко убивать такого храбреца, - более мягким голосом сказал генерал.

- Я не прошу у вас жизни. Я убивал злодеев, притеснителей народа из числа вашей своры. А вы убейте меня - одного из друзей народа... Между нами не может быть примирения...

- Мы тоже друзья народа, - тем же мягким голосом продолжал генерал. - Тебя смутили политические негодяи, расхитители народного добра. Царь - наш отец и всем желает благ. Большое преступление - восстать против царских чиновников, но ты неграмотный, простой деревенский парень, тебя сбили с толку. Скажи - кто эти люди, назови их имена, и царь тебя помилует.

- Меня никто не сбивал с толку. Я своими глазами видел жестокость князей и решил отомстить им. Вы наши враги, вы отняли у нас землю, хлеб, свободу, все наши права и превратили нас в рабов, в бессловесных животных. Мне нечего больше вам сказать - дело за вами. Я сделал свое, а вы делайте ваше...

Как ни старался генерал вырвать у Шакро хотя бы одно слово - не сумел. Шакро молчал.

Его подвергли жесточайшим пыткам. Вырывали волосок за волоском, раскрошили зубы, искололи штыками все тело. Шакро не дрогнул, не сказал ни слова.

В последний раз его привели к генералу.

- Ну, может быть, ты теперь образумился? - спросил генерал. - Признайся, и я тебя прощу, даю тебе честное слово.

Шакро был нем.

Генерал еще несколько раз повторил свое "честное слово", но не добился ответа. Тогда он приказал жандармам:

- Привяжите этого негодяя к хвосту лошади... Увезите в лес, убейте!

Приказание было исполнено. Шакро привязали за ноги к хвосту лошади, стегнули ее, и она помчалась сквозь колючие кусты в лесные заросли.

Дорога окрасилась кровью Шакро. Но герой не вскрикнул, не застонал... Он пел песню свободы...

Крестьяне, мимо которых лошадь несла Шакро, рассказывали, что он, истерзанный, с кровоточащим телом, все время повторял: "Да здравствует народ! Да здравствует свобода! Долой самодержавие!"

На другой день крестьяне нашли в лесу тело Шакро; он был весь изрешечен пулями. С опаской подняли они его, унесли и похоронили в родной цветущей долине, там, где впервые неустрашимый красавец Шакро взял в свои руки знамя борьбы за свободу.

И верит народ, что знамя, на котором ярко горят призывы к справедливости, снова взвьется над этими окутанными печалью горами, и что встанет из могилы наш любимый Шакро и опять возьмет в свои руки святое знамя революции.

1906 г.

ГАРИБАЛЬДИЕЦ

Много лет назад, в Одессе, в одном доме со мной, прямо напротив моей квартиры жил итальянец-сапожник с внучкой, девочкой лет десяти-двенадцати, худенькой и пугливой, как горная козочка.

Звали его Джованни.

Старик редко отлучался куда-нибудь. Время от времени он ходил на рынок - понурый, с согнутой под бременем работы и нелегкой жизни спиной - и возвращался со свертком под мышкой. И потом до самого вечера из его каморки доносилось постукивание молотка.

Он и сейчас встает в моей памяти, как живой: некогда, видимо, высокого роста, с невеселым, задумчивым лицом. Всего привлекательнее в нем были глаза - ласковые, тоже задумчивые, сразу располагавшие к себе.

С доброй улыбкой смотрели они на вас из-под высокого лба, голос был мягкий и дружелюбный.

Эти глаза словно притягивали меня, и однажды я решил зайти к соседу. Он сидел, сгорбившись над старым башмаком, зажатым между коленями, вбивал в каблук гвоздь за гвоздем и тихонько напевал победную мелодию "Марсельезы".

Я поздоровался. Он поднял голову, приветливо улыбнулся и ответил на приветствие: встречаясь на улице, мы всегда здоровались, как и подобает соседям.

- А, это вы... Добро пожаловать. Что-нибудь случилось?

- Мы ведь с вами соседи, вот я и заглянул потолковать о том о сем. Милости прошу, захаживайте и вы ко мне, - сказал я.

Он улыбнулся и снова взялся за прерванную было работу.

- Вот сейчас кончу, тогда и поговорим на свободе. Присядьте и расскажите пока, что слышно новенького?

Я сказал, что не знаю никаких новостей и огляделся по сторонам: убогая, скудно обставленная и столь же скудно освещенная комнатуха. Открытая дверь вела в другую каморку; там, видимо, дед и внучка спали.

В этом почти пустом, голом помещении сразу бросался в глаза большой портрет Гарибальди в золоченой раме; он висел прямо над головой хозяина. "Бедный старик, - подумал я. - Неумолимые волны житейского моря подхватили его, выбросили нищим и одиноким на эти далекие от родины берега, но он сберег, взял с собой своего национального героя. Как чтят итальянцы этого человека!"

Старик вывел меня из задумчивости.

- Что же ты молчишь? - спросил он.

- Скажи мне, отец, ты очень любишь Гарибальди?

- И ты еще спрашиваешь! - в его голосе явственно слышалось изумление. - Да разве можно его не любить? Какой души человек был, какое сердце! Таких людей, как он, не было и не будет! Кому довелось видеть Гарибальди - тот не променяет его ни на кого другого.

- А ты его видел? - спросил я.

- О чем ты говоришь! - он широко раскрыл глаза, снова до крайности изумленный. - То есть как это - видел ли? Ты что же, не знаешь разве, что я был его солдатом, одним из армии храбрых "альпийских охотников", добровольцем в его "Тысяче". Не раз и не два сам Гарибальди называл меня по имени и похлопывал по плечу!

И вдруг старик распрямил согнутую годами спину, лицо его посветлело, и глаза заблестели.

- Джузеппе Гарибальди, Джузеппе Гарибальди!.. В нем вся моя слава, мое безмерное богатство, все мое счастье, этим только я и живу - и счастливее многих; его святой образ всегда со мной, и он говорит мне: "Не падай духом, Джованни, не падай духом в чужой стране. Ты всегда был храбрецом, оставайся же им до самой смерти. А после смерти ты вечно будешь рядом со мной".

Голос его зазвенел, набирая силу, он бросил молоток и взглянул на меня горделиво и твердо.

Я стал просить, чтобы он рассказал о Гарибальди все, что помнит, что видел и что пережил рядом с ним.

Он не стал отказываться. Взглянул на меня, потом провел рукой по лбу, словно хотел разгладить морщины, подумал немного и начал свой рассказ.

- Лет сорок назад наша родина, Мать-Италия, самая прекрасная страна на свете, задыхалась под пятой чужеземцев, в оковах и неволе. Все подлинные итальянцы, все, у кого в груди мужественное сердце, сгорали от стыда и жаждали мщения, но всех больше обливало кровью сердце Гарибальди, его жажда мщения была глубже и необъятнее наших морей.

Он много раз сражался за нашу родину и за свободу других угнетенных народов. И теперь снова кликнул клич и созвал соотечественников, которые были готовы идти в бой за свою отчизну и умереть за нее.

Тогда я был молодой, лет двадцати пяти, не больше. Услышал его призыв - и сердце выиграло у меня в груди. Я покинул родных, взял оружие и помчался к нему, как на крыльях.

Он стоял тогда в долинах Ломбардии, близ Турина.

Когда я пришел к нему, он ласково спросил, как меня зовут. В его бороде уже проглядывала седина. И до чего же он был хорош собой! Настоящий мужчина, неутомимый и сильный. Глаза его были полны отеческого сочувствия и понимания; в них горела любовь к отчизне.

Над его головой развевалось наше святое знамя; под этим знаменем я дал клятву сражаться, не щадя себя, за родину, за свободу, за Гарибальди и моих товарищей.

С оружием в руках, горя любовью к родине, роты наших "альпийских охотников" с песнями шли по цветущим долинам Ломбардии. Мы все были храбрые удалцы, слетевшиеся к Гарибальди с вершин Аппенин, с берегов скалистых островов и голубого моря.

Ах, как это хорошо, как достойно - сражаться за родину бок о бок с верными друзьями и, если надо, умереть за нее на руках у верных друзей.

Эх, те далекие дни... цены им нет!.. Знал бы ты, как мы, солдаты, любили друг друга!.. Одной семьей жили. Без жалоб переносили и голод, и жажду, и стужу, и дожди, и бессонные ночи. Гордились своими ранами!

А как нас любили итальянские крестьяне! С распростертыми объятиями встречали героев-победителей.

Гарибальди... какое это было сердце! Совсем не как начальник держался он с нами, а как товарищ, как равный нам. Все трудности делил с нами, бросался в бой в самое пекло. И стоило ему появиться в наших рядах - мы бились, как львы. Прямо удивительно, как воодушевляли нас его глаза, такие умные и милосердные. Мы были готовы громить, сокрушать врага, сметать его с лица земли.

И мы всегда побеждали. Ведь впереди нас был он, Гарибальди. И мы бросались за ним, забыв обо всем на свете, и если умирали, то - не отрывая от него глаз, рядом с ним, с возгласами "Да здравствует Италия!", "Да здравствует Гарибальди!" И его большого сердца хватало на всех - он оплакивал каждого павшего.

И не сосчитать, сколько раз вступали мы в битву с врагами. Мы гнали их, как стадо пугливых овец, выметали вон из Ломбардии. Нас было немного, врагов раз в десять больше, да ведь не в числе суть - каждый из нас стоил сотни и тысячи.

Под началом Гарибальди мы, как стая соколов, врезались в самое сердце вражеской армии, били, крушили и гнали их, как ураган гонит кучу осенних листьев - а ведь это были регулярные войска австрийского императора, да еще и с артиллерией.

Мы гнали их до самых венецианских лагун. Всех бы сбросили в море, но французский император написал письмо Гарибальди и запретил идти вперед - почему, не знаю. Гарибальди в гневе изодрал в клочки письмо императора и отослал назад вместо ответа.

Это мы все видели своими глазами. Но когда наш король тоже прислал письмо Гарибальди, чтобы тот остановился, Гарибальди послушался, и мы вернулись назад, в окрестности святого Марка.

Много раз после того были у нас стычки с папой Римским - этим волком в человеческом обличье, который вместе с князьями и кардиналами жмет соки из крестьян и сбивает людей с толку.

Я был в армии добровольцев Гарибальди лет восемь-девять без перерыва, немало ран получили мы - я и мои друзья, зато ими мы залечили великую рану отчизны.

Многие из моих товарищей пали на святом поле брани. Слава их памяти! Мир их праху! Я тоже хотел бы умереть рядом с ними, на глазах у Гарибальди, но судьба уготовила мне иное.

Мечта великого сердца Гарибальди сбылась - наша любимая Италия была освобождена, объединена, набирала силы. Наши битвы кончились, мы разошлись по домам, довольные и счастливые, унося с собой память о славных днях, прожитых бок о бок с Гарибальди.

- Вот, здесь он живет, в моем сердце! - старик. стукнул кулаком по иссохшей груди. - И его портрет я тоже ношу у самого сердца. - Он дрожащими руками расстегнул пуговицы на груди и показал висевший на шее медальон с портретом Гарибальди... - Такой портрет вы найдете на груди у каждого бедняка-итальянца - у крестьян, у пастухов... Я никогда не расстанусь с ним, даже в могиле... Никогда!..

Тут старик замолчал, взглянул на часы, потом перевел глаза на мое горевшее восторгом лицо.

- Как ты счастлив, отец, что был одним из соколов Гарибальди и исполнил свой долг перед родиной!.. Но, не прогневайся, мне хочется задать тебе один вопрос:

что же заставило тебя покинуть воскрешенную кровью твоих ран, такую дорогую сердцу Италию и перебраться в эту чужую страну, к незнакомым людям?

-Эх, дружок, дружок! - вздохнул он, и на его только что горевшие воодушевлением глаза навернулись слезы; я понял, что неосторожно разбередил старую рану. - Я ведь немало времени прожил под родным кровом, видел своими глазами величие Италии, был среди тех, кто провожал в бессмертие священный прах Гарибальди... Уму непостижимо, зачем умирают такие люди... да что поделаешь... Такой дорогой ценой, пролив столько крови, освободилась Италия от внешних

врагов, от чужих господ и попала в другой плен: в когти к собственным богачам и чиновникам. Богачи связали, оковали Италию золотой цепью, вцепились прямо в сердце нашего многострадального народа и давят все сильнее. Совсем ведь нищие наши крестьяне и рабочие, ох, какие нищие!.. Моего сына застрелили во время забастовки солдаты правительства, а невестку сгубила чахотка... на фабрике работа каторжная. Не мог я простить этого своим неблагодарным соотечественникам, взял сиротку-внучку и ушел прочь от тех полей, по которым шагал когда-то победителем рядом с тысячами других. Невмоготу стало быть рабом на родине, освобожденной нашей кровью. Мы ведь тоже люди, и у нас есть своя гордость.

Сел на пароход и приехал сюда: куда-то надо же было ехать... И, пока жив, на родину я не вернусь, раз там снова рабство. Гарибальди больше нет, да и у меня силы уж не те, чтобы сражаться с оружием в руках... Об одном мечтаю: хоть после смерти лечь бы в родную землю, чтобы когда Италия и ее измученный, закабаленный народ избавятся от ига богачей, услышать, как когда-то в молодые годы, свободные голоса победившего народа.

Только кто же повезет прах нищего в такую даль...

Э, ничего! Лишь бы Италия стала свободной - я услышу эту весть и отсюда!

Теперь я живу только ради внучки. Дай бог дотянуть, поставить ее на ноги, а там и помирать не страшно. Одно желание и осталось - вырастить ее: что будет с этим ребенком, если меня не станет?.. Но великий дух Гарибальди вечно со мной, он ободряет меня, он утешает меня в этой жизни... А когда пробьет мой час... О! Тогда я буду с Гарибальди - там, на небесах...

Голос старика прервался, он поднял глаза вверх и надолго задержал их на портрете Гарибальди.

Воцарилась благоговейная тишина.

Я не хотел мешать возвышенному порыву его души. В это время вошла внучка, робко поздоровалась и прошла в другую комнату. Я встал, поцеловал заскорузлую, морщинистую руку старика, поклонился и вышел.

Прошли годы. Мне снова довелось побывать в Одессе. Долго разыскивал я старика Джованни, но так и не нашел. С невеселым чувством зашел я на его старую квартиру, и передо мной ожили, словно это было вчера, все его слова, движения, жесты.

Бог весть, где он сейчас... Все так же терпеливо сажает заплатку на заплатку, прижимая к груди стоптанные башмаки, чтобы выполнить свой последний долг перед внучкой? Или беспощадные волны житейского моря, которые так равнодушны ко всему возвышенному и прекрасному, окончательно сокрушили его, и сиротка осталась одна, нищая и беспомощная, среди чужих, равнодушных и корыстных людей, вдали от неблагодарной родины?..

1907 г.

ЧИНГИСХАН

На многие и многие страны легла тень от крепостной стены Каракорума, и к Каракоруму обращены глаза и уши этих стран.

На крови многих и многих народов замесил Чингисхан раствор для стен Каракорума, из тысяч и тысяч черепов воздвиг он крепостные башни.

На троне из слоновой кости восседает Чингисхан в своем златовратном чертоге, и седая голова его подобна покрытой вечными снегами, вознесшейся выше туч вершине Тянь-Шаня.

От Великого океана до знойного Индийского моря, от дышащей бурями пустыни Гоби до пронзающих небеса вершин Кавказа простирается подножие чингисханова трона.

Великий монгол полулежит на троне, и взгляд его мрачен, как бездетные пучины Каспия. Он стар. С трудом передвигаются ноги, некогда заставлявшие сотрясаться горы, еле слышен голос, заставлявший прежде содрогаться целые народы, обессилели руки, некогда впрягавшие в одну упряжку льва и тигра.

На коврах у подножия ханского трона застыли, преклонив колени, визирь и придворные; склонив головы, все обратились в слух, они ждут повеления хана.

- Эй, визирь, - молвил хан гаснущим голосом. - Скучно мне... очень скучно. Женщин сюда! Пусть пляшут, пусть поют, пусть плещутся в фонтанах передо мной... Вина несите! Эй, несите сюда вина, огненного, столетнего вина...

В мгновение ока распахнулись эбеновые двери, и с песнями, смехом и волной благоуханий в сераль выплеснулась целая толпа юных газелей - ослепительно-прекрасные девы, которых похитили для чингисханова гарема из перламутровых дворцов Кандагара, из благоуханных цветников Шираза.

В просторном зале скользят они в пляске вокруг хана, украшенные цветами, полуобнаженные, в прозрачной дымке развевающихся одежд.

Прекрасны, как заря, и чисты, словно лилии, их тела, они источают благоухание благовонных масел и всех ароматов Индостана и Аравии.

Бурно-пламенны и томительно-нежны их пляски.

Черные, как ночь, и золотые, как солнечные лучи, волосы рассыпаются по сверкающей белизне плеч, обвиваются по стройным шеям и волнистыми прядями опускаются на снежно-белые груди, как черные и золотые облака на снега Куэнь-Луня.

Подобно райским яблокам трепещут на лунных телах напоенные пьянящим ароматом перси.

Словно тысячеголосые соловьи в кущах роз среди цветиков китайского богдыхана поют сладкозвучные девы, поют о ночах любви и о жгучих лобзаниях, поют и пляшут, вьются, словно легкокрылые мечты, вокруг хана - и обольщают, завлекают его в дарующие забвение объятия любви.

Но слушает Чингисхан - и не слышит, слушает, но не бурлит его кровь.

В смарагдовых и яхонтовых чашах кипит, словно кровь молодого воина, огненное вино. Воспламенится тот, кому прольется на язык хоть единая его капля.

И пьет Чингисхан.

В благовонной розовой воде фарфоровых водоемов плещутся прекрасные пери. Вместе с бегущими вверх и вниз струями фонтанов с журчанием и смехом разлетаются от юных тел прозрачные брызги, подобные алмазам и жемчужинам, но стоит им упасть на лоб Чингисхана - и они застывают, превращаются в льдинки.

Смотрит хан на белоснежные тела гурий, смотрит, но не видит, смотрит, но не волнуется его оstitвленное сердце.

Певучие звуки лир, флейт и кимвалов плывут вокруг мраморных колонн, поднимаются вверх, стелются по золотому потолку, будто устремляются в заоблачные выси. Но не достигают они ушей хана, не волнуют его окаменевшую душу.

Солнце и море в глазах юных пери, их взгляды мечут стрелы и пламя, огненным ливнем проливаются они на хана, сплетают вокруг него обволакивающую завесу из лобзаний и обольщений, но в стальной щит обратилось сердце хана, и ни одной стреле не пронзить его, никакому огню не согреть его.

В смарагдовых и яхонтовых чашах кипит огненное вино, подобное горячей крови молодого воина, и воспламенится тот, кому падет на язык хоть одна его капля.

Вино это привезено из стран, где солнце подобно пламени. Опьяняется жгучими мечтами тот, кто выпьет хоть одну чашу солнечного напитка.

И пьет хан. Но холод и стужа в его душе, и солнцу не под силу растопить их.

- Пусть придет ко мне газель с гор Гюрджистана, пусть она ласкает меня.

Ступая плавно, подобно легковейному ветерку, цветущая и благоуханная, как весна, прибегает красавица, легкая, как дитя, и покорная, как мечта, и приникает к иссохшим коленям хана.

Хан собирается с силами, протягивает скрюченные руки и обнимает лунолицую пери. Бессильно привлекает он ее к себе и с трудом прикасается немощным поцелуем к ее едва распустившейся, подобно гранатам гурджистанских садов, груди.

И опускает руки великий хан, и колени его трясутся под нежной тяжестью юной красавицы.

- Уберите прочь всех! Всех!.. Надоели, наскучили они мне, - раздраженно повелевает он осипшим голосом.

Помрачнели иссохшие глаза хана: "Кто властвует над женщиной, тот поистине властвует над миром. Вся моя держава не стоит огненного поцелуя молодого пастуха".

Эта мысль змеей вползла в его голову, ядом напоила его сердце.

И, свесив голову на грудь, хан впал в дремотное забытие.

Всемогущ великий монгол, он властитель половины вселенной, стоит ему приказать - и другая половина мира ляжет к подножию его трона; он может по единой своей прихоти повергнуть в прах меднокаменные ворота Мсыра, может обратить в руины великолепные чертоги Византии, и дым пепелищ поднимется до самого неба. Но нет у него сил, чтобы поцеловать прекрасную пери...

- Визирь, скучно мне...

- Только прикажи, о великий хан, о солнце государей! Ведь все покорно твоей воле, от Великого океана до страны франков.

"Солнце государей..."-каким нелепым и насмешливым показался Чингисхану этот привычный титул! "Угасшее солнце, - поправил он мысленно. - Угасшее солнце... Даже мгновенная искра в силах затмить его".

- Ты сказал - до страны франков?.. Визирь, я хочу отправиться на охоту к границам страны франков. Приведите коня, сына старинного моего друга по битвам... Соберите всех моих телохранителей, все войско! Хочу отправиться на охоту в бескрайние долины Хорезма и достигнуть, преследуя львов, самых дальних пределов франкской земли, чтобы согрелась моя кровь, чтобы забурлила она... Поскачем же скорее, поскачем во весь опор...

Сказал хан - и было исполнено.

И вот уже на площади перед раззолоченным дворцом зазвучали громовые раскаты военной трубы, и всколыхнулся, как морс, бескрайний город: в мгновение ока высыпали из домов воины и военачальники, облачились в доспехи, вывели из конюшен своих скакунов и помчались на дворцовую площадь.

Подобно крыльям исполинских орлов, колышутся кроваво-алые, затканые золотом стяги, те, что пламенели над головой хана на полях славных битв под солнцем Индии и трепетали под грозными ветрами Турана.

Грызут стальные удила аргамаки военачальников, ржут и бьют копытами о каменные плиты, мечут искры во все стороны. Сверкает в лучах солнца густой лес копий и обнаженных сабель ханского воинства.

Восседая на руках приближенных, появился хан. Оружие его усыпано сверкающими камнями, ржет и становится на дыбы его скакун, рожденный от того горячего, как пламя, и неукротимого, как буря, коня, который некогда крушил грудью тысячелетние стены Китая и могучими копытами откалывал каменные глыбы с ребер Эльбруса.

Приближенные усаживают хана на коня. Дрожащей рукой берется он за раззолоченную узду, и скакун, почуяв хозяина, радостно вздрагивает и с силой бьет копытами о каменные плиты.

И шатается хан, еле держится он в седле, мелкая дрожь пробегает по телу, и поводья выпадают из рук.

- Снимите меня с коня!.. Не хочу! - приказывает он.

Замолкла воинская труба, и обезлюдела площадь.

Могуществен Чингисхан. Он может повелеть - и в одно мгновение Багдад, град халифов, скроют пенные волны Тигра или до самого солнечного диска поднимется сыпучее море аравийских песков; по его приказу могут погрести под землей всю страну франков - но он не в силах обуздать своего коня.

Болен, смертельно болен хан.

- Эй, визирь, - с трудом шепчет он, - смерть моя близка... Повелеваю окружить город войсками в полном вооружении... Стерегите все-стены, ворота, башни, чтобы смерть не прокралась во дворец! Стерегите неусыпно со всех сторон - на крыше, у дверей, у окон, чтобы смерть не проскользнула... Устройте засады, и когда придет смерть, - схватите, убейте ее!

Сказал - и было исполнено.

- Визирь, дай мне меч: придет смерть - всажу ей в сердце...

И был исполнен приказ хана.

- Нет сил поднять меч, тяжел он, дай мне кинжал. И был исполнен приказ хана.

- Визирь, не двигается моя рука... Кто это держит меня за руки?

- Никто, о господин мой... Кто же дерзнет коснуться десницы, властвующей над вселенной!

- Визирь, темно, глаза мои не видят... Кто погасил светильники?

- Никто, о господин мой... Кто же осмелится погасить светильники в чертоге властелина вселенной!

- Визирь, нечем дышать... Кто это навалился мне на грудь и не даетдохнуть? Немедля повесить его!

- О господин мой, кто посмел бы приблизиться к тебе... - отвечает визирь.

Зловещая тишина нависла над дворцом. "Это я, смерть, сковала тебе руки, залила тьмой твои глаза, навалилась тебе на грудь!"

-Как ты пробралась сюда?! - вскричал хан, собрав последние силы. Но десница его ослабла, и кинжал выпал из рук.

- Визирь, пришла моя смерть! Как вы пропустили ее?! Измена!.. Подкуп!..

"Я пришла не издалека, - молвила смерть, - я всегда была в тебе и с тобою. Пока ты был молод и полон сил, ты побеждал меня, но я истощила борьбой твои силы. Теперь побежден ты! Скажи же свое последнее слово - и пойдём.

- Визирь, повелеваю отравить все источники, все реки, все моря, все океаны в моем государстве, чтобы все, все умерли вместе со мной...

...Визирь не расслышал последнего приказа своего повелителя: смерть сковала язык Чингисхану.

1907 г.

БОГДЫХАН ШИ-ХОАНГ-ТИ

(За 200 лет до рождения Христа)

Угрюмый и гневный сидел на троне из слоновой кости владыка поднебесного царства, гордый и надменный, как само небо. В глазах его бушевало сердитое Желтое море, что непрестанно вгрызалось в берега Китая. И бороздили его суровое чело морщины, как змеи пустыни Гоби. Он восседал, словно мрачная туча, таящая в своем сердце громы и молнии.

У подножия его трона, как колосья, побитые бурей, лежали, распластавшись, мудрецы китайского мира - сотни голов прижимались лбами к мраморным плитам пола.

И вскричал Богдыхан:

- Сожжена ли, превращена ли в дым и пепел обитель звездочетов на башне Духов?

- Да, повелитель неба и земли, по твоему божественному слову башня сожжена, обращена в дым и пепел, - трепеща от страха, отвечивал главный визирь.

И снова вскричал Богдыхан:

- Сожжены ли, обращены ли в дым и пепел рукописи и пергаменты, те, что тщатся постигнуть тайны мироздания, но лгут и лишь смущают человеческий дух?

- Да, о солнце небес, небо земли, сын богов, по твоему высочайшему повелению рукописи изымаются всечасно и сжигаются на площади перед твоим лучезарным дворцом, - отвечивал главный визирь.

- Тогда скажите мне теперь, о вы, ученые и мудрецы, - обратился к ним Богдыхан, - вы, что познали все на небе и на земле. Скажите мне, для чего живет человек, в чем смысл жизни, откуда мы пришли и куда идем, что есть материя, что есть сила, для чего они, ответьте мне! Скажите, что такое вселенная, почему она создана, где ее начало и предел, наконец, что есть время и пространство, и для чего они?.. Наступила глубокая тишина.

- Ответь ты, о мудрейший из мудрецов, - обратился он к самому старому.

- Ты знаешь это во сто крат лучше нас, о великий Богдыхан, ты, сын небес, сошедший с солнца, - робко ответил старец.

- Если вы пребываете в неведении, тогда к чему писать фолианты и хватать друг друга за горло на своих ученых сборищах? Отвечай же немедленно.

- Мой могущественнейший повелитель, если угодно твоему небесному слуху, мы можем ответить, объяснить многое, но "что есть что, и что для чего" - этого мы не знаем. Вселенная так велика, так беспредельна и необъятна, что мы напоминаем человека, который, взвесив каплю воды океана, хочет узнать вес всего океана. Бессилен человек, он подобен червяку, ползающему в прибрежном иле.

Всякое явление и каждый предмет имеют свою причину и следствие, мы стоим на неведомой ступени всей цепочки причин. Когда, познавая причины, мы стремимся опуститься ступень за ступенью к глубочайшей бездне вселенной, мысль наша испаряется, как капля дождя под палящим солнцем... Никто не может достичь первой ступени, потому что ее нет. О великий отпрыск богов, все то, что мы видим, чувствуем или слышим, есть порождение праматери причин - мироздания - праматери всех причин. В наших руках лишь одно звено в цепи причинностей, остальные бесчисленные звенья похоронены в бесконечности. Никто никогда не сможет и не должен достичь первого звана, ибо его нет...

- Для чего мне тогда все то, что я вижу, слышу и ощущаю? Ребенок и тот знает и понимает вещи такими, какими он их чувствует или представляет. Мне неинтересно, что есть во вселенной, я хочу познать ее смысл. Я хочу знать причину времени и пространства. Ответьте мне или вы все умрете!.. - так, подобно грому, загрохотал Богдыхан, и содрогнулся весь его дворец, и мрачно забушевало желтое море его жестоких глаз... И, как лепестки лотоса, затрепетали в страхе все ученые и мудрецы.

- О сын неба, дух добра, владыка нашей смерти и жизни, священны твоя воля и страстное стремление к заветному познанию, но даже сам великий Сакия-Муни, чья мысль высока, как Гималаи, сам великий Ляоце, вещий Конфуций, чьими устами глаголет бог времени и пространства, вечности и беспредельности, - даже они оказались бессильны раздвинуть хоть одну самую ничтожную складку завесы, что скрывает непостижимые тайны вселенной...

- Все вы умрете, если я не услышу ваших ответов на мучающие меня вопросы! - прорычал Богдыхан.

Тогда поднялся на ноги осмелевший от гнева и отчаяния старейший мудрец, ударил посохом о мраморный пол, тряхнул седой гривой волос и дерзко взглянул на Богдыхана.

- Владыка рабов!.. Вселенная, ее время и пространство безграничны и необъятны. У нее нет ни начала, ни конца. Мириады звезд и солнц рождаются и умирают, как мгновения в вечности, как мельчайшие ракушки в океане. Во вселенной больше солнц и планет, чем зерен риса в амбарах нашего могущественного императора, чем пчел в его ульях. Нам больше нечего сказать, убей нас, ты, сын неба, ты должен знать, что мы не все можем постичь...

Умолк старец, Богдыхан закрыл ладонями лицо и погрузился в раздумья. Воцарилось мучительное молчание. Но вот, не поднимая головы, Богдыхан проговорил глухим, гробовым голосом:

- Уведите их всех на площадь казней. Главный визирь склонил голову, и всех ученых и мудрецов повели на казнь.

На следующий день главный визирь предстал перед Богдыханом и объявил, что казнь состоялась. Тогда в глазах Богдыхана полыхнули молнии, и повелел он главному визирю:

- Возгласите мою волю всем от Великой стены до Гималаев и берегов Великого океана, что отныне в пределах моей Империи не должна быть написана ни одна книга о назначении жизни, о причине причин, о начале и конце вещей и не должны обсуждаться тайны вселенной...

Возгласите всему миру, что Богдыхан Ши-Хоанг-Ти убил Дух и Мысль, потому что Дух ведет нас к безысходности, а Мысль - к смерти! Пусть исчезнут Дух и Мысль! Да здравствует жизнь, ведомая инстинктом! Пусть народ мой живет без Духа и Мысли, радостно и счастливо в своем неведении, пусть любит он, множится и предается веселью под щедрым солнцем жизни.

Вечером придворные нашли Богдыхана мертвым. Он сам себя казнил, вонзив кинжал в сердце.

1907 г., Хазарапат.

КУРД АМО

Издали похожая на крест, угрюмо стояла на берегу Зангу Ереванская тюрьма. Наши камеры ютились в левом крыле этого громадного креста. Маленькое оконце моей одиночной камеры смотрело на Арагац. Эта снявшая хрустальным блеском вершина одна только и радовала глаз.

Дверь моей камеры выходила в узкий длинный коридор, а прямо против нее находилась другая, с шестью заключенными: то были курд по имени Амо, армянин Погос, еще один армянин, трое остальных - турки.

Дверь моя всегда была на запоре, в ней было прорезано небольшое отверстие, через которое следили за мной надсмотрщики и выдавали мне хлеб и воду.

С помощью этого отверстия мы, соседи по заключению, и общались друг с другом, хотя и было оно такое маленькое, что в ней едва могла поместиться голова ребенка.

Когда надзирателей в коридоре не было или они храпели на своих местах, мы подходили к дверям, подавали друг другу голос и начинали разговор.

О чем только мы не говорили. Беседа была единственным нашим утешением: мы вспоминали прошлое, рассказывали друг другу разные случаи из жизни, притчи, происшествия, пели вполголоса.

Мы переговаривались каждый день, и не видно было конца нашим историям. Кто-то рассказывал свой сон, другой делился весточкой из дома, а потом начинались самые приятные беседы - о происшествиях, о детстве, о любви, о всяких приключениях - и так каждый день, как только выдавалась свободная минута...

Нас сплотила общая судьба, породнили общие страдания и горе. Политический заключенный подружился с уголовником, турок с армянином, курд с айсором. Каждый готов был поделиться с другим табаком, сахаром, фруктами - всем, что попадало в тюрьму с воли.

Сердце мое переполняется любовью даже сейчас, спустя много лет, когда в памяти оживают бледные, изможденные лица моих товарищей по тюрьме.

Был тихий пленительный майский вечер. В далеких городских домах, как улыбочивые глаза, светились огни. Легкий ветерок доносил веселье голоса, песни любви и громкий смех, а в тюрьме нашей царило безмолвие, как на гигантском кладбище.

Заключенные молчали: спали ли они, или ласковый весенний ветерок унес их в волшебный мир, где прекрасные мечты о счастье и свободе помогали забыть кошмары угрюмой тюрьмы...

В тюрьме каждый грезит наяву - днем и ночью, ночью и днем, в глазах узника всегда светится мечта, чудесная мечта о свободе...

Глубокое безмолвие иногда только прорезала печальная мелодия песни, глубокий вздох и омерзительное бряцание цепей.

- Эй, братец, - услышал я голос Амо, он звал меня. Я подошел к двери. - Давай-ка поговорим, тяжело мне что-то, тоска меня гложет, - сказал Амо.

- О чем тосковать, дорогой?.. Уж недолго осталось. Столько терпел, потерпи еще немного. Ну сколько там осталось?

- Три месяца и десять дней. Только лопнет мое терпенье, пока они пройдут. Шесть месяцев и не помню как прошли, а того, что осталось не одолеть. Тогда была зима, что внутри, что снаружи - разница небольшая. А сейчас весна, весна, - вздохнул Амо.

Амо был красивый, здоровый парень. Только что обручился и попал в тюрьму на девять месяцев за то, что оскорбил кого-то.

- Амо джан, крепись, друг. А мне-то какво? Уже год сижу и не знаю, сколько еще придется.

- Ты-дело другое. Ну первое, что ты из города, а вы, горожане, всегда по домам сидите, к горам непривычные. Да к тому же, ты не обручен, о ком тебе тосковать?

- Ну так тебе же лучше, как выйдешь. Родные горы покажутся тебе еще милее, а невеста еще краше.

Он слегка улыбнулся.

- Как выйду на свободу, братец, то-то будет радости, а тебя я вовек не забуду. Сегодня тоска крепко за душу взяла. Будто увидел я наши горы... Эх, горы, горы... Сердце рвется к ним. Нынче кочевья подались в горы, ягнята да овцы, знай себе блеют, да сладко так, и медовую травку пощипывают на ходу. Один только бедный Амо поджаривается здесь на этом чертовом медленном огне. Девушка-невеста, позвякивая серьгами да браслетами, с шумом да звоном тоже в горы собирается, такая взглянет, так и обожжет. Только одни бедный Амо тоскует здесь по горам да мается...

-Слезы сжали ему горло.

- Стыдно, Амо, посовестился бы. Один ты что ли такой. У каждого человека есть сердце, есть любовь. Но что же делать. Надо терпеть. На то и человек, чтоб боль терпеть. Не камень же будет терпеть за тебя, ты же мужчина... Терпи... - Я сделал вид, что рассердился, но сердце у меня разрывалось на части при виде страданий этого простодушного сына природы.

- Ах, нет сил терпеть, и хотел бы не мучиться, знаю, что недолго осталось. Гляжу на других, вижу, сидят годами да молчат. Только сердце мое слов не понимает. Знаешь, горы сейчас такие

красивые. Вот, бог даст, выйдешь отсюда, приезжай ко мне в горы, ешь, пей вволю, пируй в свое удовольствие, на охоту вместе ходим... Родные мои, Агмаганские горы. С моря слегка тянет душистым ветерком, родники так и звенят, цветы так и пылают на солнце, так и пышут золотом. Красота! А птицы поют так, что разве расскажешь. Сейчас к вечеру все смешалось там: песни, пляски, ржание коней, дымок поднялся над шатрами... И что-то там делает сейчас моя невеста, вот бы мне узнать. Ах, Амо, Амо... Когда у тебя под ногами будет земля твоих гор...

Как я ни старался переменить тему разговора, отвлечь Амо, ничего не получалось. Он все говорил о своем горе и тоске, хвалил свои горы, называл одному ему известные цветы, травы, рассказывал об ущельях и обрывах или родниках, вспоминал маралов и куропаток, коней п овец. То шептал нежные слова своей невесте, то в беспричинной ревности ругал ее...

Удивительный он был человек: существо дитя природы, весь в плену своих чувств. Он так убивался, будто сию минуту его должны были вести на виселицу. Иногда ему вдруг начинало казаться, что он никогда не выйдет из тюрьмы: он провожал глазами порхавшего на ясном небе голубя и плакал, и посылал с ним приветы, завидовал цветку конского щавеля, былинке, дрожавшей на ветру.

То вдруг, озлобившись, бил ногами в стены, в дверь, навлекая на себя ругань и крики озверевших тюремщиков.

Откровенно говоря, мне порядком наскучили его каждодневные монотонные жалобы и чтоб как-нибудь покончить с этим, помню, я попросил его спеть. У него был приятный голос и пел он от всего сердца. Он глянул во двор и убедившись, что никого поблизости нет, мягко и задушевно затянул:

Яр, звезды глаз твоих чисты
Как Агмагана родники.
Яр, серна Агмагана ты -
О как шаги твои легки!

Яр, умираю от тоски,
Явись, молю, хотя б во сне...
Осыпь, о роза, лепестки
На жизнь мою... Приди ко мне...

Грудь белоснежна и нежна
Твоя - как снег, что выпал в срок...
Волос колыхнется волна,
Как Агмагана ветерок.

(Пер. Е. Николаевской).

Амо еще не кончил петь, как послышались громкие быстрые шаги надзирателя. "Чего воешь?" - разъяренно крикнул он и приказал нам замолчать и сейчас же ложиться спать.

Прошел май, Амо оставалось сидеть всего 85 дней. Но эти последние дни бедняга невыносимо страдал, ежеминутно считал дни, а в тюрьме дни - годы, века, иногда - вечность.

За последние дни он совсем измаялся, похудел, не ел, не спал и все курил. Я утешал его как умел. Мне казалось, что непрестанно думая об одном и том же, он довел до болезненной крайности свою тоску и потому не знал ни минуты покоя. То он вскакивал на нары и смотрел из окна на родные горы, а на глаза его наворачивались слезы, то подходил к дверям и звал меня: - "Дышать нечем, братец, сердце разрывается, где взять горную прохладу, чтобы вдохнуть хоть раз, целых восемьдесят пять дней впереди, вся душа изболелась..."

И снова подбегал к окну, долго-долго всматривался в горы. Он походил на дикую кошку, запертую в клетке, которая все царапает когтями прутья клетки и непрестанно прыгает вверх и вниз, бьется об стены, сотни раз сотрясая прутья в потоках выхода, свободы...

У меня сердце обливалось кровью, глядя на нестерпимые, хотя и ненужные страдания Амо. Я от всей души готов был взять на себя его три месяца, только бы он вот прямо сейчас вышел из тюрьмы.

В середине июня рано утром меня громко позвали из камеры Амо. Я испуганно вскочил. Обычно я просыпался вместе со всеми заключенными: меня будило злое бряцание кандалов. Звук этот безжалостно вторгался в мои золотые сны и возвращал к действительности.

Я подошел к двери. Бледный, растерянный Погос сообщил мне, что Амо повесился, привязав свой ремешок к оконной раме. Он уже мертв... Я остолбенел, я был потрясен: у меня подгибались колени, зубы стали выбивать какую-то дробь.

- Открыли глаза, смотрим, Амо глядит в окно на далекие горы, думаем, курд наш тоскует по родным горам. А потом пригляделись - какая тоска, - черная тоска, ноги-то у бедняги до земли не достают. Подошли - все уже кончено, глаза у него открыты, но уже застыли, будто глядит не наглядится на свои горы, глаз с них не сводит...

В это время на железные прутья тюремного окошка, весело чирикают, сели два воробья. Я машинально посмотрел на них: они знают себе чирикают, звонко так, заливисто.

Беспощадно прекрасен и свеж был этот день, небо ясное, манящее и великолепное, как сама жизнь...

- Бедный Амо, мой бедный Амо, - всхлипнул я и упал на нары.

1907 г.

СПОР ОМАРА ХАЙЯМА С БОГОМ

Омар Хайям, скорбный поэт Хорасана, сидел среди золотистых нарциссов и пил из глиняной чаши вино, дабы забыть о суетности мира. Вдруг поднялся внезапный смерч. Бешено крутясь на своем хвосте, он, как безумный, кидался то в одну, то в другую сторожу, круша и унося все, что попадалось на пути.

Он с яростью набросился на бедного Хайяма и, махнув невидимой полой, опрокинул, разбил глиняную чашу, и пролилось вино на землю.

Потом злой безумец с диким свистом полетел, понесся дальше.

Хайям то мрачно смотрел вслед убегающему ветру, то с сожалением оглядывался на животворную красивую влагу, которую мгновенно впитала алчущая земля.

И, обратив взор к голубым небесам, молил Хайям, грустный соловей хорасанских роз:

Ты кувшин мой разбил, всемогущий господь,
В рай мне дверь затворил, всемогущий господь,
Драгоценную влагу ты пролил на камни -
Ты, видать, перепил, всемогущий господь!
(Пер. Г. Плисецкого).

И дошли до ушей бога жалобы и упреки Хайяма. Рассердился бог, разгневался он, что какой-то смертный посмел обратиться к нему с такими словами. И наказал бог Хайяма: перекосило ему рот, и онемел его язык.

И не мог больше выговорить ни слова Хайям, сладкозвучный певец бренности всего сущего.

Прошло немного времени. Хайям пришел в себя, ощутил всю тяжесть кары, раскаялся и так обратился к богу:

Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну, а кто не грешил - разве жил? Отвечай!
Чем ты лучше меня, если мне в наказание
Ты ответное зло совершил? Отвечай!
(Пер. Г. Плисецкого).

Дошли до ушей бога исполненные мудрости слова Хайяма, и удивился он тому, как мудро судит простой смертный. Устыдился он самого себя и простил поэта, вновь одарив его и янтарным вином и даром мудрого слова.

1909 г.

ОТЦОВСКИЙ ПЛУГ

(Рассказ васпураканца)

Речь идет о тех днях, когда Султан Гамид вооружил курдов, позволив им грабить и убивать армянских крестьян.

Кровавые орды заполнили горы вокруг нашего и соседних сел. Горстка самоотверженных храбрецов вступила с ними в отчаянный бой.

Проходили дни, а бои продолжались. С раннего утра до позднего вечера до нас доносились ружейные выстрелы. Кто знает, когда это могло кончиться? К курдам присоединялись новые группы, и хотя число наших удальцов тоже росло, но по сравнению с врагом их было слишком мало.

В селах оставались лишь старики, старухи и дети. Молодые женщины сами не воевали, но день и ночь без сна и устали носили воинам еду, ухаживали за ранеными, чистили оружие.

Немощные старики, сидя под стенами церкви, бормотали молитвы и с поникшими головами все думали и думали, а старухи, вытирая сухие глаза, несли заботы по дому.

Нам, детям, тоже было невесело, хотя мы не очень понимали, что происходит и что нас ожидает, но глубокая печаль старших передалась нам. Сидя на плоских кровлях, мы молча наблюдали за сражением, а то играли в войну, разделившись на две группы, и армянская группа всегда выходила победителем.

Одно только меня очень удивляло: мои братья воевали, мать по целым дням проливая слезы, отец же, взяв старый плуг, обтачивал его, чинил, что-то монотонно напевал. Лишь иногда, когда усиливалась стрельба, он поднимал голову, приставлял к глазам ладонь, всматривался в ближайшие горы, где шел бой, потом вытерев с лица пот, все с той же песней продолжал работу.

Мать с досадой сказала отцу:

- Каменное у тебя сердце. Сыновья вступили в смертный бой на горе, все село в трауре, твои товарищи думают о судьбе деревни, а ты, знай, чинишь плуг, да еще - как только душа выносит - песню напеваешь. Спросил бы кто, для кого стараешься? Завтра сюда явится дикий курд, он и тебя убьет, и нас, и плуг заберет.

- Эх, женщина, что ты говорить? Нас убьют, но плуг-то не убьют? Я строю - не разрушаю. Мир держится на плуге: живы останемся, плуг нам пригодится, а умрем, может, проснется любовь к труду в том, кто унесет его. Еще и меня благословит. Нам неведомо, что к чему в этом мире.

Мать покачала головой и ушла.

1912 г.

СУЛТАН ФАТИХ-МЕХМЕД

Было за полдень. Султан Мехмед восседал на троне в огромном дворцовом зале. Зажав в кулак бороду и приложив указательный палец к тонкому длинному носу, он устремил пронизательный взгляд себе под ноги, на склонившихся в низких поклонах великого визиря, начальника войска, хранителя казны и придворного звездочета.

Зоркие глаза великого визиря Махмуд-паши не отрывались от лица султана, но оно было непроницаемо, как всегда, и надежно скрывало мысли и чувства повелителя. На самом же деле султана взволновали вести, которые сообщил ему визирь.

"Ничего, ничего, - думал султан, - я всегда могу, если захочу, натравить гяуров-венецианцев на этих свиней-генуэзцев; однако лучше пока прикинуться другом, выбрать подходящее время и уж тогда разить без пощады. Да, именно так". И он обратился к хранителю государственной казны:

- Дефтердар, не медля отправить главам Венеции и Генуи богатые подарки в знак дружбы.

Хранитель казны склонился до земли.

- Ну, еще какие известия ты принес? - спросил султан великого визиря.

- О великий султан, мадьяр Гуниади собирает в Белграде большое войско, а арнаут* Искандер-бек напал на границы твоей державы и злодейски умертвил многих твоих преданных слуг, а многих захватил в плен... - отвечал с трепетом визирь.

На лице султана не дрогнул ни один мускул.

- О великий падишах, потрясатель вселенной, о щит ислама, твои храбрые воины жаждут мести и дожидаются только твоего знака, дабы ринуться на поле битвы, убивать и умирать во имя твоей славы, - набравшись смелости, решился вставить свое слово начальник войска, сераскер.

И снова ни один мускул не дрогнул на лице султана.

- О любимец аллаха и избранник судьбы, о великий Фатих-султан! - (нарушил недолгое молчание придворный звездочет Мюнеджим-баши. - Звезды предрекают благоприятный ход твоим начинаниям. Сейчас самое время обнажить твой победоносный меч.

Великий визирь, сераскер и Мюнеджим-баши заранее сговорились убедить султана начать войну.

Султан метнул на визиря беглый взгляд. Тот счел момент подходящим, чтобы заговорить снова:

- О чем думает властелин нашей души и нашего дела, повелитель королей, шахиншахов и султанов? Что подсказывает тебе твоя безграничная мудрость касательно объявления войны, о великий владыка, Соломон нашего времени?

- О чем я думаю - знаю только я. Стоит собственной моей бороде проникнуть в мои мысли - и я вырву ее с корнем, - властно отрезал султан и замолчал.

Умолк и визирь, увидев, что исчерпаны все возможности проникнуть в замыслы султана, понять - хочет он войны или нет. Он знал, что скрытность султана беспредельна, и помнил, как султан сказал однажды: душа успеха в том, чтобы сохранить тайну и, всесторонне обдумав решение, с быстротою молнии осуществить его на деле.

Однако сераскер сделал попытку разжечь гнев повелителя.

- О великий падишах, ты покоришь десять царств и овладеешь ста сорока городами, а ныне какой-то гяур, валашский воевода Дракула* осмелился подвергнуть неслыханному, нестерпимому поруганию твоих преданных слуг. Он потребовал у твоих послов, которые, следуя нашему святому обычаю, не обнажили перед ним головы, чтобы они сняли свои чалимы, когда же они отказались, этот нечестивый пес сказал: "Хорошо, пусть будет так" и велел палачам пригвоздить чалмы к головам наших послов. И палачи прибили чалмы гвоздями к головам твоих слуг, и те приняли мученическую смерть.

- Нельзя стерпеть такое поношение, нельзя! - в один голос вскричали визирь и хранитель казны.

Султан весело расхохотался и, едва переведя дух, захохотал снова. Злодейский поступок Дракулы показался ему отменно забавным и остроумным. Успокоившись, он повелел ввести ожидавших в соседнем покое поэтов и Джентилия Беллини, известного венецианского живописца, который уже немалое время жил по приглашению султана в Константинополе, запечатлевая на холсте самого падишаха, любившего искусство, а также его приближенных.

В зал вошли и, низко поклонившись, опустились на колени хранитель султанской библиотеки поэт и философ Синан, поэт Хамди и поэт Шехди, воспевший в четырех тысячах четверостиший победы и славные деяния султана. С ними был и художник Беллини.

Султан встретил их приветливо: он покровительствовал поэтам и философам и любил порассуждать с ними о высоких материях. Фатих-Мехмед и сам писал газеллы на фарси, скрываясь за псевдонимом Авни.

Султан вынул из-под тройной подушки богато украшенную персидскими миниатюрами книгу.

- Хамди, - сказал он, - я прочел "Юсуфа и Зюлейку" моего любимого Джами. Очень красивая вещь. Я хочу, чтобы ты перевел ее для нашего народа, и так же совершенно, как перевел "Лейли и Меджнуна" Низами.

Хамди, бесконечно обрадованный, коснулся лбом ковра, выражая свою готовность исполнить приказание.

- А ты, казначей, послал ли золото в Герат - мой ежегодный дар Джами?

Хранитель казны склонился до земли.

- Синан, - обратился султан к поэту, - ты любишь Джами?

- О избранник аллаха, могу ли я не любить твоего любимого поэта! Он поистине один из великой плеяды мудрецов Персии.

- Да, это так. Но более всего восхищает меня Джалалэддин Руми. Его мудрость беспредельна. Греческий философ Платон и тот уступает ему в мудрости.

- Ты прав, о великий падишах, воистину божественен Джалалэддин Руми, а не Платон. Ведь согласно мудрости Руми, смысл существования человека, цель его души в том, чтобы в конце концов раствориться в своем первоисточнике - в боге, и в том море, из которого некогда он появился на свет. Он последовательно должен стать землей, растением, животным, человеком, потом ангелом и, наконец, достичь бога.

- Шехди, - повернулся султан к другому поэту, - вчера я получил сборник стихов Зейнаб-ханум, посвященный мне. Там есть красивые газеллы. Но я больше люблю газеллы Мигир-ханум. Как сладостно восхваляет она своего возлюбленного и его божественную красоту. Казначей, завтра же послать от моего имени подарки обеим - индийскую и багдадскую парчу, муслины и кисею, и все, что нравится женщинам.

- Сама истина говорит твоими устами, о солнцеподобный султан, око вселенной, - сказал Шехди. - Когда читаешь газеллы Мигир-ханум, кажется, что это поет дервиш Незим, поклонник красоты, и видит в предмете своей любви воплощение божества.

- В самом деле?.. Пусть завтра же Синан принесет мне сборник Незима. А сегодня я дам тебе несколько газелл, которые только что написал. Завтра поговорим о них.

Потом султан перевел взгляд на венецианского живописца:

- Ну, а у тебя что нового, мой дорогой? Прославленный мастер показал свое полотно, изображавшее отрубленную голову Иоанна Крестителя.

Султан восхищенно похвалил гармонию красок, потом вскользь добавил:

- Только вот этот обрывок шеи, которым еще заметен на отрубленной голове... В жизни так не бывает. Художник посмотрел на султана с недоумением.

- Да, да, - продолжал султан. - Когда рубят голову, шея тут же исчезает, потому что ее мышцы вместе с кожей и жилами сразу втягиваются, вбираются в голову.

И заметив, что не убедил художника, велел вооруженному стражнику, стоявшему у дверей, привести кого-нибудь из рабов. Раба ввели в зал. Одним ударом сабли султан в мгновение ока снес ему голову на глазах у охваченных ужасом придворных. Потом показал живописцу отрубленную голову.

- Ну, разве я не прав, дорогой Беллини?

- Всецело, о мудрейший государь, - еле выговорил оцепеневший художник.

Тем временем с дворцового минарета послышался призыв муэдзина к вечерней молитве. Султан встал и направился в другие покои для омовения и намаза.

Навстречу ему скользнул главный евнух. Султан что-то таинственно шепнул ему; евнух с довольной улыбкой прижал к глазам полу его одежды и, пятась, покинул зал.

Неверными шагами присутствующие, словно вереница теней, удалились прочь из зала мудрости и злодеяний.

1921 г Венеция.

Арнаут - албанцы, ассимилированные турками и служившие в турецкой армии.

Дракула - румынский князь Влад (1456-1462 и 1476--1477), известный под прозвищами Цепеш ("Сажатель на кол") и Дракула ("Дракон"). Султан Мехмед II (1451-1481) все-таки воевал с Дракулой в 1461-1462 гг.

ЛИЛИТ

(Еврейская легенда)

Когда бог создал небо, землю, всех животных и все растения-то взял лежащую под ногами животных глину и словом своим сотворил из нее человека.

Сотворил, дабы дивился он величественным деяниям господа и прославлял имя божье.

И поселил его в Эдеме.

И новосозданный Адам восхитился чудесами божьими. Обозрел он всех животных, всех птиц, все растения, изумился и восславил имя великого мастера.

И, ощутив себя одиноким, впал в тоску, в великую тоску.

И бог, видя одиночество Адама, сказал сам себе:

"Нужно создать для Адама нежную подругу, дабы человек вкушал отрады рая не в одиночестве".

И поймал устремленное ввысь пламя и из его зыбких, порхающих языков сотворил первую женщину - Лилит.

И, посмотрев на свое создание, восхищенно оказал:

- Добра, ибо прекрасна. И подозвал к себе Адама.

Вложил маленькую руку Лилит в ладонь прачеловека и сказал:

- Адам, вот тебе подруга, прекрасная Лилит. Отражайтесь в глазах друг у друга, сердцами же любите друг друга. Плодитесь и размножайтесь. Адам, следуй за Лилит во все дни жизни твоей, а ты, Лилит, будь покорна Адаму.

Пристально посмотрела Лилит на Адама и почуяла запах глины. И почувствовала она, что взгляд Адама опустил тяжестью земною на плечи ее. И поспешно вырвала она руку из ладони Адама.

Взглянул на Лилит Адам, и разверзлась пред ним некая бездна красоты, и чаровала она, и влекла душу его к ужасной пропасти, к уничтожению.

И смежил он очи, где стоял страх, рожденный восхищением.

И когда вновь разомкнул он очи свои, уста его едва смогли вымолвить:

- Хвала тебе, господи, ибо создал ты прекраснейшее и совершеннейшее из всех творений своих. Создал ты венец всей чудесной вселенной твоей. Хвала тебе вечная и безграничная!

Лилит вняла словам его и томно склонила голову к плечу, первая довольная улыбка мелькнула на дивном лице ее.

Адам, пробуждаемый неким чувством, дотопе ему неведомым, пожелал вновь взять руку Лилит. Но Лилит ускользнула от Адама, подобно пламени.

И ощутил Адам, что сердце его приковано к светозарным стопам Лилит. И, следя за Лилит, увидел, что она стала на берегу пылающего золотом озера, где плавно плыли лебеди с белоснежным оперением.

С восторгом взирала Лилит на лебедей. Их гибкие, красиво изогнутые шеи зачаровали ее.

Нежным голосам позвала она лебедей. И когда опустилась на колени, чтобы приласкать их, то увидела на водной глади дивный, огненный облик, и когда постигла, что это ее отражение, восхитилась она собою и возгордилась.

Запела она рассыпанные кудри, дабы косы вились по спине и плечам ее. И, восхищенная, взирала Лилит на образ свой и не могла насытиться.

Голубое небо, солнце и уголок рая отражались в зеркале озера.

И увидела Лилит, что солнце не столь огненно, как пламень очей ее и небо не столь бездонно, как глубина очей ее. В раю она - создание совершеннейшее, рай же и озеро исполнены сиянием лика ее.

Прилетели две яхонтовые бабочки с алмазными крыльями и сели на благоуханные кудри ее. Взглянула на них Лилит и улыбнулась:

- Как было бы прекрасно, если бы всегда оставались они на кудрях моих...

И стала срывать она цветы, что источали благовоние и тысячами красок переливались вокруг нее, и убрала ими свои волосы.

Поодаль стоял Адам, поглощенно следил за подругою и внезапно осмелился приблизиться к ней.

Когда Лилит увидела, что отражение Адама смешалось с ее отраженным, в гневе отпрянула она и яростный пламень очей своих устремила на Адама.

- Лилит, Лилит, прекраснейшая из ангелов, - чуть слышно произнес Адам, - что за цветы нарвала ты?

- Эти? Это чудо-цветы, тебе не понять их прелести, - презрительно оборвала Адама Лилит.

- Нет, душа моя, я знаю в Эдеме такие места, куда не ступала даже стопа самого создателя. Я видел там бесподобные цветы несказанного благоухания, деревья со светящимися листьями, отягченные сладостными плодами... Не хотела бы ты сейчас пойти туда со мною?

Так ласково говорил Адам, что на мгновение Лилит умерила гнев свой:

- Хорошо, Адам, пойдем, но не сегодня; после, после...

- Да, Лилит, нежная моя, пойдем, когда пожелаешь, но скоро опустится ночь; войди в шалаш, я возвел его неподалеку от соловьиных гнезд, он окружен роскошными цветами. Спи там, а я буду стеречь твой сладостный сон.

- Нет, нет, оставь меня одну. Я сегодня очень устала, - и в глубину рощи направила она легкие стопы свои.

- Адам не знал, что ответить. Молча понурился, побрел он за нею.

- Прошу тебя, Адам, оставь меня одну...

- Но Лилит, желанная Лилит, когда же мы увидимся и когда...

- Завтра, - как бы повелевая, снова оборвала Адама Лилит и в единое мгновение скрылась среди кустов.

Лилит, сидя у родника, прислушивалась к его хрустальной музыке, и любовалась райским небом. И жгучие гроздьи звезд опьяняли сердце ее таинственным желанием.

И Лилит, опьяненная звездами, уснула на цветочном ковре и пробудилась от полного любовной истомы соловьиного пения.

Занялась заря, пронизывая каждый мельчайший комочек земли неопишным волшебством лучей и красок.

Адам же наполнил корзину плодами и цветами, направился к шалашу Лилит и еще издали окликнул ее.

Ответа не было.

Вновь окликнул он, и вновь ему не ответили.

В нетерпении несколько раз прошагал он взад и вперед вдоль ручья, окидывая испытующим, взором все окрест. И не было видно Лилит.

Пошел он на берег озера, бродил по рощам, вновь вернулся к роднику. Лилит же все не было и не было.

"Что с нею, что с Лилит? - думал Адам. - Наверное зашла она в дальние рощи и заблудилась. Надо искать ее, искать!"

И оставил он корзину у ручья, там, где находился шалаш Лилит, и пошел искать подругу свою.

Целый день бродил Адам и громко призывал Лилит. Но безуспешно.

И настал вечер, и опустилась ночь.

Усталый Адам не смог в темноте отыскать обратного пути и уснул под деревом.

И лишь на рассвете, когда небо и рай были залиты млечно-белым сиянием, смог Адам отыскать тропу свою.

Бежал он, задыхаясь, и, еще не достигнув ручья, позвал издали:

- Доброе утро, Лилит!

- Только не подходи ко мне, я еще не умывалась. И внял Адам голос Лилит и с прежнею глубиной ощутил все муки свои. И гнев закипел в душе его. И захотел он сурово укорить Лилит, но сдержал себя.

- Где ты была вчера весь день? Я столько искал, столько искал тебя, - мягко упрекнул ее Адам.

- Вчера? Вчера я пошла на озеро и не увидела тебя, ты не пришел, - отвечала Лилит. - Потом поиграла с ланями, была в новых, неведомых мне местах. Как восхитительно пели там соловьи. Заслушалась я их пения и осталась там до вечера.

- Но когда же ты ходила на озеро? Я без устали искал тебя. А после обошел чуть ли не весь Эдем. Где же ты была?

- Но я ждала тебя и здесь, и на берегу озера, тебя же ни здесь, ни там не было, - резко ответила Лилит.

На мгновение Адам замолк. Он думал: неужели он не заметил Лилит? Этого не может быть, но...

И, желая примириться с Лилит, дружелюбно сказал:

- Прекрасная Лилит, посмотри, какие изумительные плоды принес я тебе.

- Постой, я еще не причесана.

- Для роскошных кудрей твоих принес я цветы, окропленные рассветною росой.

- Спасибо, есть они и у меня. Подожди еще немного, я скоро приду. И ждал Адам. И Лилит, порхающая подобно языкам пламени, пришла и стала перед Адамом, едва касаясь стопами земли.

- О, это те же великолепные плоды, что я нашла возле шалаша!

- Я принес их из тех чудесных мест, куда хочу повести тебя. Сейчас мы пойдем туда, не правда ли, душа моя?

- Пойдем, еще есть время, - сказала Лилит и села за трапезу.

Адам сел по левую руку Лилит.

- Ах, Лилит, - с горечью промолвил он, - и впрямь ты немилосердна. Извело меня одиночество.

И с тоскою обнял он Лилит, и, пылая всей душою, прижал ее к истомленной груди своей.

Лилит вырвалась из объятий Адама и, став поодаль, молвила плачущим голосом:

- Ты очень груб, Адам.

И обиженно повернулась к Адаму спиною.

И была спина ее златопламеннее пышнотканного пурпура зари, которым украшен был рай.

Взглянул Адам, и обмерла душа его. Нежно взял он руку Лилит и сказал:

- Лилит, жизнь моя, прости меня, Лилит, душа души моей, не смотри на меня столь молчаливо и грустно, говори со мной, улыбайся. Ах, как бы я хотел иметь тысячу ушей, дабы тысячу раз слышать твой сладостный голос и не ведать насыщения.

Лилит села. Воцарилось тягостное молчание.

- Адам, - прервала; молчание Лилит, - давно ли бог сотворил тебя?

- Давно, моя нежная.

- Что же ты делал в раю?

- Блуждал один - одинешенек да искал себе друга среди бессловесных животных.

- Неужто же ты не нашел себе подобного? - опросила она, окидывая Адама лукавым взором.

- Нет, Лилит. Потому господь и создал тебя для меня.

- Создал меня для тебя? Ха, ха, ха! - громко и весело рассмеялась Лилит.

Обидно стало Адаму. Вновь воцарилось горькое молчание.

- Да, да, - сокрушенно заговорил Адам, - бог создал тебя, дабы не был я один, дабы друзьями были мы... Жизнь моя иссякает из-за тебя, а ты?.. Ты не знаешь, что без тебя рай для меня невыносим и жизнь - сплошное мучение... Не по душе это господу, и когда он о том поведает, то весьма прогневается.

И дрогнул голос его, и зазвенели слезы в голосе его. Лилит взглянула на скорбное лицо Адама и залилась звонким смехом. Но лишь на мгновение. Затем взор ее смягчился: имя божье смирило ее.

- Но, Адам, почему ты так говоришь, почему ты плачешь? Ведь я всегда была добра к тебе.

И струящими пламя перстами пригладила она всклоченную бороду Адама.

И сердце Адама исполнилось бесконечным умилением. Готов он был пасть к стопам Лилит и молить о прощении.

- Милый Адам, - ласково обратилась к нему Лилит, - поймай для меня этот летящий цветок.

- Это бабочка, а не цветок.

- Все равно поймай.

Адам побежал за бабочкой и не смог настичь ее.

- Хочешь, я сразу поймаю ее? - сказала Лилит и, порхнув в воздухе, в единый миг поймала бабочку.

- Видишь, Адам? Но до чего ты медлителен!

- Я не могу прыгать в воздухе, как ты, - обиженно оправдывался Адам. - Но я умею очень быстро бегать.

- И этого не умеешь, - возразила Лилит.

- Умею, - настаивал Адам.

- Не хвались понапрасну.

Адам настаивал на своем.

- Хорошо - сказала Лилит. - Лови меня, если поймаешь, подарю тебе плод, в Эдеме наисладчайший.

- Что же это за плод, тебе ведомый, а мне - нет, хотя все плоды рая успел я испробовать? - удивленно спросил Адам. - Как он называется?

- Поцелуй.

- Поцелуй? - повторил Адам в недоумении.

- Да, поцелуй. Когда одни уста приникают к другим. Не знаешь?

Адам размышлял: откуда это ведомо Лилит, как и когда она о том узнала? И посмотрел на Лилит с сомнением. А Лилит безмолвно смотрела в глаза Адаму, и взор ее, подобный языку пламени, пылающими лучами пронзил зеницы Адама и зажег душу Адама багряным огнем.

И покорно согласился Адам.

Резво и легко бежала Лилит, Адам же - стремительно, но задыхаясь.

То скрывалась в кустах Лилит, то откуда-то вылетала, то на мгновение останавливалась и говорила со звонким смехом: "Иди, лови, я жду!" И ждала, сложив алые уста в цветок лобзания.

Адам остановился, теряя рассудок.

- Адам, из чего тебя создал господь? - спросила Лилит, подходя к нему.

- Из земли, но по образу и подобию своему.

- Из земли? Из земли?.. Ха, ха, ха! - насмеялась Лилит. - Вот почему ты такой тяжелый, неповоротливый и грубый.

Адам распалился, разгневался и, собрав все силы, бросился к Лилит и чуть было не поймал ее и не сжал в объятиях, но пальцы его коснулись лишь кудрей Лилит. А Лилит в единый миг жаворонком метнулась ввысь и умчалась в чащи, весело захохотала и крикнула звонким голосом:

- Адам, приходи завтра, пойдем гулять по раю. И долгое время побежденный и пристыженный Адам стоял, как вкопанный, и, не мигая, смотрел широко раскрытыми глазами на чащи, скрывающие Лилит.

И снова пришел на заре Адам к роднику. Долго ждал он, пока, разубранная цветами, во всеоружии всех чар своих, не явилась Лилит.

- Что ж, пойдем в хваленные тобою места, - небрежно бросила она.

- О, бесподобная Лилит, хвала - это звук пустой. Ты должна своими глазами увидеть эти изумительные сады, ручьи, озерца, дабы постичь беспредельную роскошь райскую.

И Адам показал тропку, по которой следовало идти.

- Нет, пойдем так, - сказала Лилит, указывая в обратную сторону.

- Прости, любимая, но дорога - здесь, - мягко возразил Адам.

- Пойдем так, - повторила Лилит.

- Бесценная Лилит, эта дорога не столь хороша. Я знаю все тропинки, и та, что я показал - самая красивая. Прости, если я скажу, что ты этого не знаешь.

- Нет, - сердито сказала Лилит. - В конце концов, я так хочу, и разве этого не достаточно? А не то я пойду одна.

И направилась выбранной ею тропой.

Адам покорно последовал за нею. И через мгновение осмелился вымолвить:

- Дивная Лилит, умоляю, теперь пойдем по тропе, предложенной мною.

- Хорошо, - уступила Лилит, - будь по-твоему. И так все выходит по-твоему.

Сады по краям дороги были разубраны цветами, источавшими тысячу благоуханий, цветами тысячи тысяч видов. Стаи бабочек, подобных сновидениям, парили вокруг Лилит среди маков и трав. В рощах бананы и ананасы опоясали озера, где сверкающие рыбы резвились среди кувшинок и лотосов.

В густолиственной сени серебряные и горячие всеми переливами радуги павлины разгуливали с изумрудными пурпурными птицами. Райские и певчие птицы перепархивали с луга на луг.

На полянах, в воздухе, исполненном благоухания, там и сям летали подобные грезам птицы многоцветного пера и покоряющим душу пением на тысячу ладов изливали страсти свои.

Со золотокорых деревьев свисали размычивые плоды чарующих красок и очертаний.

Лилит срывала те плоды, что приглянулись ей, и наслаждалась ими. Лилит пленили райские места, не мигая, смотрела она вокруг, отходила назад и вновь смотрела.

- Душа моя, - сказал Адам, - здесь мой шалаш.

Но Лилит оставалась безучастна, не слушала она Адама и шла зачарованная, отрешенная от всего сущего.

Она скорее порхала подобно птицам, нежели шагала. Светозарные стопы ее не касались земли.

А Адам следовал за нею тяжелой и твердой поступью, не отрывая взора от ее кудрей, лучезарных, извивающихся, подобно языкам пламени.

Могучая, необорная волна чувства побуждала Адама простереться под стопами Лилит, и Адам, убыстря шаги свои, подошел к Лилит, со страхом взял ее за локоть и, душевно обессиленный, молвил:

- Дивная подруга моя, взгляни вдаль - сколь величественен этот вид!

А вдали устремленные к небу горы с отливающими серебром снежными вершинами были погружены в голубую тишину. Бурля, неслись с высоких скал пенные воды и страшным грохотом переполняли пещеры, где отдыхали бархатные серны.

У горных подножий, вдалеке, шелком стлалось море, и его золотистые волны со светлым оперением легко набегали одна на другую и мчались к дальним, сверкающим изумрудами островам. Там расточали благоухание пестрые цветы и высокие пальмы качались под ласковым ветерком.

- Видишь, душа моя, как все прекрасно! Или я не говорил тебе? - прошептал Адам и нежно обнял Лилит.

- Неплохо, но моя тропа тоже хороша, - сказала Лилит, вырвалась из объятий Адама, прыгнула и стала на берегу ручья, который с веселым смехом катил разноцветные камешки.

- О, до чего хороши эти мелкие камешки, какие красивые у них цвета - смотри, вот алый, вот голубой, зеленый, золотистый... Адам, дай мне несколько камешков!

- Это еще что, Лилит... Я знаю и не такие - те сверкают, как солнце, прозрачны, как вода, тверды и очень красивы.

- Вот как... А где они, милый Адам, где они?

- Они далеко, в глубоких, бездонных ущельях, в расселинах скал, за дальними далями.
- Когда же ты принесешь их? Скажи, Адам, - и Лилит ласково положила руку на руку Адама.
- Если желаешь, милая, я пойду сегодня, а завтра принесу, - сказал Адам, радостно думая, что наконец-то сумел обрадовать Лилит.

- Иди, Адам, иди сейчас же, иди. Какой ты хороший, мой Адам, - и тыльной стороной ладони мягко провела она по лбу Адама.

Адам с бьющимся сердцем нежно взял прекрасную, как лилия, руку Лилит и прижал к губам. Сладость поцелуя пронизала сердце Адама до самого дна.

Затем он метнул на Лилит тоскующий взгляд. В глазах ее таились сладостные обещания, взглядом пожелала она Адаму доброго пути, и он стремительно пустился в дорогу.

И Лилит, чуть отдохнув, направилась к шалашу.

И внезапно встретился ей змий с высоко поднятой головой.

Лилит посмотрела в глаза змия, змий - в глаза Лилит. И оба замерли: оба были пленены друг другом.

Как влекло Лилит гибкое тело змия - гладкое, стремительное! Ей померещилось, будто оно проникло в ее тело.

Долго-долго смотрела Лилит, и змий, испугавшись молнии взора ее, прошипел и в единый миг скрылся в груди камней.

Между тем Адам, задыхаясь, бежал, желая скорее достичь ущелья прекрасных камней... Достигнув его, он с рвением стал собирать их.

Без устали, без уныния взбирался он на скалы и в их расселинах вырывал камни зубами. Изранил он руки и ноги, но безропотно сносил боль, предвкушая восторг чаровницы Лилит.

И дивился тому, что с первого мига, когда он увидел Лилит, сердце его исполнилось неким сладостным и сладострастным чувством, и рай с того дня стал для него в тысячу крат прекраснее, и каждая прожитая минута обретала смысл и прелесть неизреченную...

На закате Адам с тяжелой корзиной, запыхавшись, добежал до ручья, где Лилит с нетерпением дожидалась его.

На руках она держала кошку с бархатной шерстью, которую все время гладила.

- Лилит, Лилит, душу пленяющая, вот я пришел и принес тебе камень, - Лилит успела увидеть отражение Адама в воде, но повернулась к нему, словно только что заметила его.

- Это ты, Адам?

- Прости, душа моя, что я не мог вернуться еще раньше, - очень уж долг путь! Давно ты ждешь меня?

- Нет, Адам, я пришла только что. Не хотела приходить, болела голова, пришла просто так. Принес ли ты камень? Посмотрим.

И, сдерживая нетерпение, метнула взор в сторону корзины.

- О, что за драгоценности, до чего они роскошны! - с восхищением воскликнула Лилит.

- Они называются драгоценностями? Откуда ты знаешь? - удивленно спросил Адам.

- Знаю, Адам, милый, дай я тебя поцелую, какой ты добрый!

И Лилит, не в силах сдержать свою радость, поцеловала Адама в лоб.

Адам, потеряв голову, простерся у ног Лилит и в изумлении наблюдал за нею, а она перебирала камни, клала их на ладонь, любовалась ими без устали, улыбалась сама себе и вновь бросала камни в корзину и вновь брала их в руки.

- Что за восхитительные алмазы с великолепными белыми лучами! Какие алые яхонты, какие чистые зеленые изумруды, какие аметисты, бериллы, - всех и не счесть, не счесть! О, нет им, нет им числа...

И Лилит играла с драгоценностями, украшала ими кудри свои и вновь пересыпала из ладони в ладонь, пока полная луна не поднялась из-за деревьев и не осветила в раю каждый куст и кустарник, каждый листок и росток.

Лилит сидела под гранатом. Тонкое лунное сияние подобно фате, оведало черты ее. Сердце Адама прыгало и готово было птицей выпорхнуть из груди его.

- Мудра ты, Лилит, бесподобная Лилит - поведай же мне, что за чувство угнездилось в душе моей с того мгновения, когда я впервые увидел тебя? Жажду расточиться у светозарных стоп твоих, жажду лобызать землю, что попираешь ты, жажду обратить солнце венцом для главы твоей и звездами вымостить стезю твою.

Внимала Адаму Лилит, и тихая усмешка мелькала на устах ее.

- Поведай, дивная моя Лилит, что это за чувство, от которого, когда я рядом с тобою, рай становится еще восхитительнее и жизнь - еще сладостнее, когда же я вдали от тебя, рай становится пустынным и уродливым, а жизнь - тяжелою и горькою! Во сне, наяву ли - тобою лишь полны мечты мои. Живешь ты в сердце моем и в очах моих.

И Лилит отвечала - со смехом, но холодно:

- Любовь! Адам, это называется любовью.

- Откуда? Откуда ты знаешь?

- Я давно это знаю, Адам.

- Любовь... Слово сокровенное и страшное! И вправду - любовь, ибо господь рек то же самое: "Любите друг друга". И я люблю тебя, Лилит, тысячу тысяч раз любимая Лилит, я люблю тебя. И как могу я не любить тебя? Прекрасна ты, восхитительна, дивно прекрасна, тысячу крат прекрасна! И ныне мне ведомо, что любовь - душа всего сущего. Это любовь вложила в птичьи клювы нежные напевы ветерков и ручьев. Это от любви я вдыхаю благоухание гвоздик и тех цветов, чей запах подобен благовонию ладана, когда иду по тропам, тобою пройденным... И знаешь, Лилит, море, охваченное бурей, когда оно волнами, огромными, словно горы, бьется о прибрежные скалы, слабее и немогуще любви моей - она же властно зовет пасть к стопам твоим, преклонить пред тобою колена и замереть в безмолвии. Хочу осыпать тебя поцелуями, и в этих поцелуях души моей истаять и расточиться. Ах, как люблю я, как люблю я брови твои, нежная, желанная Лилит! Брови твои - свод, подобный радуге. Подобный радуге свод - брови твои над небом очей твоих. В небе очей твоих зримо мне млечные пути, где пылают тысячи тысяч солнц. Очи твои, горящие пламенем тысячи тысяч солнц, сжигают душу мою. Взирая в очи твои, да забуду я себя, да забуду весь Эдем, взирая в очи твои.

И поцеловал он очи Лилит, и поцеловал брови и ресницы ее.

Но безучастна к ласкам Адама была Лилит, об ином размышляла она.

- Что находится по ту сторону рая, Адам?

- Там земля, сухая и тернистая. Да сгинет земля - люблю я шею твою, Лилит. Бела и высока шея твоя, белее и выше тех нежных, стройных берез, что растут у райских врат.

И Лилит со смехом в глазах вытянула шею, и поцеловал Адам шею ее и вновь поцеловал со страстью.

- А кто живет на земле, Адам?

- Там живет сатана, Лилит, но да сгинет сатана. Безумно люблю я уста твои, Лилит. Уста твои - чудо рая, Лилит.

- А кто такой сатана, Адам? - прервала Лилит его сердечные излияния.

- Он супостат господя. Был он огнезарным ангелом, прекрасным и мудрым, но восстал он против бога, ибо возжелал быть равным ему. И господь покарал его: низверг его и подобных ему с небес, заклеив их вечным проклятием. И да будут они прокляты!.. Люблю я уста твои, уста твои - нектар, исполненный неисчерпных и бездонных соблазнов, наслаждений неизреченных, где золотая пчела собирает мед наисладчайший. Голос твой - любвеобильные песни всех соловьев, нежнее щебета всех птиц голос твой. В едином сладостно-нежном лобзании уст твоих - наслаждение, раю всему равное, постижение вселенной и вечности - в едином лобзании уст твоих...

И сложил Адам горящие страстью уста, дабы поцеловать уста Лилит, но она ладонью своею прикрыла уста Адама и, с силой оттолкнув его, одним прыжком вспрыгнула на ноги.

Адам обмер и пал наземь.

- Мне хочется спать, - сказала Лилит. - Жду тебя завтра на берегу озера.

Вспорхнула подобно птице и скрылась в ночной темноте.

Затуманенным взором смотрел Адам вслед удаляющейся, искрящейся, сверкающей Лилит.

Утром Адам открыл глаза, увидел себя на земле - и не было рядом Лилит. Почудилось ему, что он еще дремлет. Вновь смежил он глаза - и не было рядом Лилит.

И внезапно вспомнил он последние слова Лилит. Быстрыми шагами поспешил он на берег озера, и, пристально смотря на все тропинки рая, стал ждать.

Сердце его колотилось от каждого шага лани, от каждого дуновения нежного ветерка, шелестящего в ветвях, тревожилось сердце его. Так в нетерпении прождал он до заката - и Лилит не пришла.

Отчаялся Адам и простерся на траве, смежив очи и мечтая о Лилит.

И стал ему внятен некий тихий голос в прибрежных тростниках; и подумал он, что томится там чье-то сердце.

Поспешно встал он, срезал тростник, проделал в нем лады и затирал.

Не звуки, а само горящее любовью сердце Адама капля за каплею стекало из горла тростника, став слезами и желанием, желанием и потоком.

И пел он:

Лилит, Лилит, ты судьба моя!

Что без тебя бессмертие?

Ты - сладострастия рай, Лилит,

Ты - единственный рай чудес и волшебств,

Ты - мечта, восторг и чары, Лилит,

Ты - несказанная тайна, Лилит,

Источник солнечный ты, Лилит,
Источник всех соблазнов земных,
Дарующих жизнь и страдания,
Непобедимая женщина
Лилит, Лилит. вечная Лилит...

Ночь напролет бродил без сна Адам и пел о мучительной тоске своей, сжигающей сердце его. И на другой день вновь не явилась Лилит. Весь день бродил и стонал Адам. Горел он и жаждал, и ни единый студеной райский родник не в силах был остудить сердце его.

И решил Адам, что при встрече с Лилит бросит он ей тяжкие слова упрёка, все ей прямо выскажет и даже пригрозит именем господа. Столь измучена была душа Адама, столь сильно измучена.

На закате же из гущи зарослей внезапно явилась Лилит во всеоружии чар своих, и пышно были украшены все прелести тела ее.

Как безумный, метнулся Адам к Лилит, в единый миг забыв весь гнев и все решения свои.

- И увидел он, что оживлена и резва Лилит и бежит она за извивающимся, чернobleщущим змием, не отрывая от него взора.

Устремился за нею Адам и закричал, что было мочи:

- Остановись, Лилит, куда ты, остановись!

- А тебе что за дело, куда я иду? Что ты меня преследуешь? - гневно отвечала Лилит.

- Как это - что за дело? Ведь сам господь повелел мне следовать за тобою, а тебе - быть покорной мне, неправда ли?

- Мне - быть покорной тебе? Да кто ты, кто? Сгинь с глаз моих, ком ничтожной земли! - презрительно воскликнула Лилит, взметнулась в воздухе подобно пламени и исчезла.

Потерял терпение Адам и направился к богу - жаловаться.

- Господь мой, что за подругу даровал ты мне? - молвил Адам, сдерживая гнев - Ни разу не повиновалась она приказу твоему, не подчинилась мне. Соблазняет она меня, распяет и, оставив неутоленным, скрывается. Сгораю я, когда я вдали от нее, сгораю и рядом с нею. Злой огонь она, язык огня палящего, мучаюсь я, истаиваю...

И бог успокоил Адама и проводил его. И призвал к себе Лилит. Но Лилит не явилась на зов господа. Прогневался бог и послал ангелов Сеноя и Сансеноя, дабы разыскали они непокорную Лилит и привели ее к престолу его.

И привели к нему Лилит. И, потупив взор свой, стала она пред господом. И творец пригрозил ей, молвив:

- Создал я Адама из земли и тебя - из огня, дабы вы дополняли друг друга. Должна ты любить его и тем паче быть покорна ему, супругу твоему, ибо для него создал я тебя. Когда же не покоришься ему, знай, что сурова будет кара моя. А теперь отправляйся к Адаму. Таково желание мое...

На берегу ручья, под ивой, опустив чело на ладонь, грустно сидела Лилит. Нежно печален был лик ее, бледный, словно жемчуг. И увял веночек из райских роз в кудрях ее...

Адам ждал ее возвращения. Подошел он и сел рядом с нею, взял со страхом холодную руку ее и, сама нежность, еле слышно прошептал:

- Лилит, душа души моей, отчего ты грустна, отчего ты так грустна? Отчего не улыбнешься ты, моя нежно-прекрасная? Ах, сверкающая подобно солнцу Лилит, отчего ты безмолвствуешь? Или не ведаешь ты, что живу я только любовью твоею? Сожми сердце мое - и выжмешь из него лишь любовь мою к тебе, лишь любовь мою к тебе и ничего более. Любовь моя к тебе объемлет всю вселенную, всю вселенную...

И с беспредельным вожделением поцеловал он края кудрей Лилит и провел златоогненными кудрями ее по очам своим.

Но безмолвна и безучастна была Лилит, и взор недвижных очей ее был устремлен вдаль.

- Лилит, нежная моя, пойдём в шалаш мой, там приготовил я тебе трапезу из плодов наилучших. Нектар я взял у цветов и мед сладчайший - у пчел. Розами убрал я опочивальню твою. Отойдешь ты ко сну с самыми счастливыми грезами, и до рассвета я буду тебя стеречь у ног твоих. До рассвета буду я играть на свирели, дабы прилетели к нам нежные соловьи и канарейки, бабочки и райские птицы и будут петь и плясать и увеселять они тебя.

Но безмолвна и безучастна была Лилит.

Обнял ее тонкий стан Адам, поднял ее на руки и отнес в шалаш.

Утомлена была Лилит от волнений сердца. Устрашил ее недовольный взор господа. И безропотно возлегла Лилит на цветочном ложе.

Положил Адам голову ее на колени свои и восторженно, зачарованно взирал да хрустальную наготу Лилит, простертой на листьях пылающих пурпуром роз.

Смежила очи Лилит, и кротка была она и покорна подобно газелям, которых страшит и шелест цветов. И была она бледна подобно жемчугу. Ласкал Адам тело Лилит и шептал себе:

- Безумию, безумно люблю тело твое, ибо дивно сотворено тело твое. Светло тело твое, светлее, нежели блеск молнии во тьме ночей. Сосуд всех совершенных даров - тело твое, сад несравненный - тело твое, сад всех содроганий и желаний огненных. Благоуханнее тело твое, нежели мускус косуль эдемских, благоуханнее жасмина и лаванды, нарцисса и гиацинта, всех сладостных благовоний их, тропы райские в мечты погружающих. Благоуханнее перси твои, нежели нарциссы, росую небесною покрытые, нежели бальзам и ладан, что стекают с дерев Эдема, окропляя шаги господя.

И огненными устами лобзал Адам тело Лилит и вдыхал благоуханную свежесть его, и свежее было оно росы на устах и травы в первые дни творения.

И огнепламенными перстами лобзал Адам перси Лилит и, душу свою изливая, говорил:

- Безумно, безумно люблю перси твои, Лилит, о ты, что совершеннее ангелов. Перси твои - два светозарных снопа нежноуханной гвоздики, двумя девственными розами увенчанные, два снопа, в безумие приводящих, с ума сводящих, и опьяняют они душу мою и разлучают с телом душу мою...

И поцеловал Адам перси Лилит и трепетными устами поцеловал печати персей ее.

Смежила очи Лилит, безучастна была она и не внимала Адаму.

- Лилит, Лилит, божественная Лилит, позволь мне поцеловать уста твои. В едином лишь бездонном лобзании уст твоих - наслаждение, раю всему равное, постижение вселенной и вечности - в едином бесценном, несравненном, неизреченном лобзании...

И забыл сам себя Адам, и ничего более не существовало для него. И были только уста Лилит, что лобызал Адам без насыщения и прекращения; впивая всю сладость Лилит, всю сущность ее, не насыщался Адам - и истаяла душа Адама, расточаясь в беспредельности лобзаний...

И внезапно изогнулась Лилит, освободилась от изнурительных, безумных, страстных до крови поцелуев Адама, метнулась прочь из шалаша и скрылась в лабиринтах ночного рая.

Адам лишился чувств и так пролежал до рассвета.

Когда же пришел он в себя, то вспомнил, что скрылась Лилит во тьме ночной.

И с разбитым сердцем воспрянул Адам.

Попытался он вновь разыскать Лилит, еще раз умолить ее, дабы не покидала она его.

Жалостливо, моляще выкликал он сладостное для него имя Лилит и слышал лишь гулкие отзвуки голоса своего.

Повсюду искал он ее: на берегах озер и у родников, в садах и пещерах. И нигде, нигде не отыскал следов Лилит.

Долго, долго блуждал он по тропам, где ступала Лилит, с тоскою целуя землю и травы, которых касались стопы Лилит.

Долго, долго просиживал он в тех местах, где обитала Лилит, и смежал очи, дабы увидеть Лилит.

И в видениях его Лилит представляла ему желанной, еще более желанной, недоступно желанной.

И от видений этих с болью в сердце пробуждался Адам и, как безумный, метался, метался...

И достиг он границы рая, по другую же сторону ее простиралась земля, пустынная, необитаемая.

Очень устал Адам. Присел отдохнуть.

И, обхватив руками голову, скорбел он о мучительной доле своей и растревлял себя воспоминаниями о незабвенных и недоступных прелестях Лилит - и вдруг, точно во сне, услышал он радостный, светлый смех, подобный зову весны, и от этого смеха пуще забилось сердце его.

С упованием устремил он взор туда, откуда доносился смех... И увидел нечто страшное, то, что подобно черной молнии, затемняя и прожигая, до самого дна пронзило душу его.

Со стороны тернистой и мрачной земли, над стеною рая увидел он лик сатаны, черно-блестящие очи его, злые, коварные.

И увидел Лилит: повисла она у сатаны на шее, и кудри ее убраны были цветами, источающими любово-страстное благоухание.

И с беспредельным желанием лобзала Лилит уста сатаны. И оба смеялись, довольные и счастливые.

Адам обезумел от ревности и возопил во гневе:

- Ты ли это, Лилит, Лилит, Лилит?..

И услышал он страшный, победный хохот сатаны, что подобно грому прогрохотал над головой его.

И увидел, как сатана обнял Лилит и скрылся с нею среди просторов земли.

И ослепли очи Адама, ничего не увидели больше они...

Обезумел Адам, бродил, не зная покоя, по уединенным уголкам Эдема. Опустел для него Эдем, и пение птиц тяготило его.

- Лилит, Лилит, ах, Лилит, - воззывал он, стеная и плача, и плач его колыхал и опалял листву.

Каждую ночь в ужасных снах представала ему коварная Лилит в объятиях сатаны.

И душа Адама лишилась надежды и, проклиная бога и бессмертие, возжелал он себе кончины.

И внял господь стананиям Адама и, преисполнясь к нему жалостью, размышлял о том, что невозможен союз устремленного ввысь огня со льнущей в земле перстью.

И погрузил он Адама в сон и из ребра его создал ему новую подругу - Еву - чтоб по происхождению своему была бы Адаму покорна, могла бы любить только его и умела бы утешать его.

И отверз очи свои Адам и увидел рядом с собою новую подругу, не столь совершенную и огненно-прекрасную, как Лилит, но тоже прекрасную - и прекрасную по-человечески, наделенную душой человеческой.

И подошла Ева к Адаму и положила голову ему на плечо и нежно ему улыбнулась, устремляя преданный взор в ответ на грустный, мечтательный взор Адама.

Но Адам, сидя рядом с Евой и внемя шелесту розовых кустов, слышал в нем дыхание Лилит. В благоухании роз являлось ему благоухание Лилит, в песнях соловьев - голос Лилит.

Когда добрая Ева ласкалась к Адаму и черными кудрями своими закрывала ему лицо, то видел Адам лишь златоогненные кудри Лилит, закрывавшие весь небосвод.

Когда налетала буря, то видел он Лилит, стремительно идущую к нему, и когда молния раскалывала небо - то была огненная любовь Лилит, и раскалывала она душу Адама.

Когда смежал он очи свои, представал ему бесконечно прекрасный образ Лилит: когда взирал он на звезды - в звездах видел он очи Лилит, в бездонном же солнце - всю Лилит...

"Ева" звучало на устах его, но душа отзывалась: "Лилит".

И когда он тщился забыть о Лилит и обнимал верную Еву, прижимал ее к груди и целовал - в те же миги в объятиях своих он видел Лилит, целовал Лилит, ощущал Лилит, только Лилит...

И жил Адам, ожидая и вождедея только Лилит, и умер Адам, стеная и мечтая лишь о Лилит.

1923 г. Венеция.

НЕОБОРИМЫЙ ДУХ

(Рассказ очевидца)

Далеко от Евфрата, так далеко, что даже в тихую дочь сюда едва доносился рокот его вод, в пустыне жалась друг к другу кучка убогих шатров.

В них ютилась горстка армян, уцелевших от трагической резни - старики, женщины, дети.

Их изможденные тела были едва прикрыты лохмотьями, во взглядах застыл неизбывный ужас, как в глазах смертника, чудом спасшегося из самой петли.

Улыбка и радость навсегда умерли в их глазах, и лишь где-то в глубине зрачков еще теплился отблеск жизни - искра неумирающей надежды:

Днем вокруг шатров воровато шныряли дикие бедуины - высматривали, вынюхивали, не осталось ли красивых девушек, каким-нибудь чудом уцелевших от диких турок, а по ночам в мертвой тишине пустыни, в неутолимой жажде крови и мертвечины завывали гиены.

Человек и зверь сообща добывали последние остатки погибшего народа, обрушивая на несчастных все новые ужасные испытания.

Хотя ночь, ласковая и нежная, и несла успокоение, прикрывая черными шелковыми бинтами опаленные адским пламенем глаза страдальцев, души их неотступно и неутолимо терзали страшные, кроваво-красные видения.

Огнедышащее солнце лило с неба потоки лавы, и раннее утро полыхало жаром, словно полдень.

Вдали на бескрайние желтые пески медной стеной опускался раскаленный небосвод.

Старики и старухи, немощные и бескровные, сидели с закрытыми глазами, вжавшись в углы шатров, и в памяти их вновь и вновь вставляли то мирный дым родных очагов, то цветущие деревья родных садов. И медленно умирали, истощая последние силы, их измученные души...

Было утро. Женщины, увядшие раньше срока, сидели у шатров и шили иссохшими руками с трудам выпрошенную у окрестных арабов работу - так они добывали скудный хлеб для своих близких.

Перед шатрами, не сознавая своего бедственного положения, играли ребятишки, маленькие мальчики и девочки. Порою оттуда слышался даже смех.

- Дети, учиться! - послышались от шатров голоса матерей.

Игры тотчас прекратились.

Взявшись за руки, в один из шатров вбежали два мальчугана. Старшему было лет двенадцать, младшему - семь или восемь. Оба с разбегу бросились в объятия матери.

Несчастливая женщина потеряла на тернистом пути изгнания мужа и двоих детей: главу семьи и юношу-сына куда-то увели, как и многих других, турецкие янычары, а дочь - молодую, цветущую девушку - украли курды.

Мать нежно расцеловала детей и сказала младшему:

- Ягнечок мой, сейчас я напишу несколько слов, а ты прочитай. Посмотрим, хорошо ли ты знаешь буквы. А потом сам напиши то же самое. Если хорошо прочитаешь, дам тебе фиников.

И мать написала пальцем на песке:

"Господи, сохрани моего отца, сестричку, брата".

Ребенок по складам прочел написанное.

- Молодец, радость моя. - Мать еще раз поцеловала малыша и дала ему несколько сухенных фиников.

- А теперь напиши сам.

Ребенок принялся жевать финики и что-то выводить пальчиком на песке.

Мать обратилась к старшему.

- Ну-ка, покажи, сынок, что ты написал.

Мальчик написал на песке несколько слав. Всмотревшись, мать прочла:

"Враги увели отца, сестричку, брата. Говорят, их убили. Я не верю. Вернемся домой - найдем их живыми и здоровыми".

- Найдем, милый, непременно найдем. Сдерживая слезы, мать поцеловала ребенка и, не в силах продолжать урок, дала детям по куску черствого хлеба и сказала:

- Теперь идите, побегайте на воле. А вечером мы с тобой, сынок, вспомним Евангелие. Ты должен выучить все очень хорошо, так, чтобы твои товарищи удивились. А вернемся домой, отец увидит, что ты здесь не терял времени даром, и очень обрадуется.

Дети весело выбежали из шатра.

Мать со скорбной усмешкой поглядела им вслед. Потом отерла глаза и прошептала, стараясь не разрыдаться:

"Да, когда мы вернемся на нашу освобожденную родину, всех найдем там, воскресшими из мертвых, обязательно найдем".

Очевидец добавил:

Многие из несчастных армянских матерей имели с собой одно только Евангелие, и ни клочка бумаги. Пески пустыни часто становились для армянских мучеников-детей и книгой и тетрадкой, а еще чаще - саваном и могилой, не отмеченной даже крестом, навсегда затерянной и безвестной...

1922 г.

РАВВИ ГИЛЛЕЛЬ

(За полвека до рождества Христова)

Гавви Гиллелю было... 40 лет, когда он покинул Вавилон и пришел в Иерусалим, дабы пополнить свои знания.

Он работал, получал поденную плату, на половину кормил семью, другую половину отдавал привратнику известной школы за право слушать божественное слово, которому учили знаменитые законоведы раввины Шемая и Абталион.

Однажды ему не удалось ничего заработать и привратник не впустил его бесплатно. Тогда он поднялся на крышу, всунул голову в оконное отверстие и стал слушать учителей.

Пятница была на исходе, была зима, всю ночь шел снег, и, когда наступило утро, Шемая сказал Абталиону:

- Брат мой Абталион, в этот час всегда светло. Почему же сегодня темно?

Все посмотрели вверх и увидели человеческое лицо, которое закрыло окошко. Они поднялись на крышу, нашли Гиллеля, засыпанного толстым слоем снега, привели его к себе, отряхнули и посадили у печки.

- Он стоит того, братья, и не грех ради него нарушить священную субботу, - сказали в один голос равви и ученики.

Он был полон мудрости и потому получил от этих прославленных раввинов намного меньше, чем сам им дал.

Был он знатоком всех наук и знал все языки и наречия. Он постиг звуки гор и долин, шорох трав и деревьев, язык птиц и животных.

Был он кроток и ласков и был полон бесконечного терпения и бесконечной доброты. Свою еду он отдавал нищим и сожалел о том, что не может дать большее.

Чтоб испытать его терпение, люди часто бились об заклад. И вот однажды поспорили двое. Один из них упрямо твердил:

- Я его рассержу. Обязательно...

Пятница была на исходе. Гиллель был дома и как раз собирался купаться, когда пришел спорщик и позвал:

- Дома равви? Дома равви Гиллель?

Оделся равви и вышел.

- Чего ты желаешь, сын мой? - спросил Гиллель.

- Хочу задать тебе вопрос.

- Говори, сын мой, говори.

- Почему головы у вавилонян такие бесформенные?

- Важный вопрос задал ты, сын мой, - ответил Гиллель. - Это потому, что у них нет дельных повитух.

Спорщик ушел, но тотчас же вернулся и снова позвал. Равви снова оделся и вышел.

- Хочу задать тебе еще один вопрос.

- Говори, сын мой, говори, - ответил равви.

- Почему у тармудцев глаза большие?

- Важный вопрос задал ты, сын мой. Это, наверное, по той причине, что они живут в стране песков.

Спорщик ушел, но тотчас же снова вернулся и позвал равви.

Гиллель снова оделся и вышел.

- Почему у апракцев ступни плоские?

- И это важный вопрос, сын мой, - ответил с прежним спокойствием равви. - Это потому, что они живут в болотистой местности.

- У меня еще много вопросов, но я боюсь рассердить тебя.

Гиллель получше застегнулся и, спокойно сев, промолвил:

- Спрашивай, сын мой, спрашивай все, что хочешь.

- Ты тот Гиллель, которого израильтяне считают своим патриархом и так сильно восхваляют?

- Да, я равви Гиллель.

- Было бы лучше, если б такого, как ты, не было в Израиле.

- Почему, сын мой?

- Потому что из-за тебя я проспорию 400 зуз.

- Ступай, милый мой, и после этого будь благоразумней, меня никто не может вывести из терпения.

Однажды некий чужестранец пришел к равви Шаммаю, который был противником Гиллеля, и сказал ему:

- Я приму вашу веру, если ты научишь меня торе за столько времени, сколько я могу простоять на одной ноге.

Разгневался нетерпеливый Шаммай и выгнал его, потрясая посохом.

Пришел он к Гиллелю и повторил свое предложение.

- Что ненавистно тебе самому, того не делай ближнему. Вот все учение, остальное - пояснение к этому, - кротко ответил равви Гиллель.

1923 г, Венеция.

ЛОГИКА СЕРДЦА

У нашего сердца - своя логика, и логика удивительная, - сказал мне однажды мой друг-итальянец. - Да, удивительная логика, присущая только ему одному, прямо противоположная логике рассудка: тут не в умозаключениях суть, тут что-то совсем другое, и законы логики сердца никем еще не открыты и не сведены в систему. Эта логика еще ждет своего Аристотеля.

Загадочно наше сердце, этот огромный и безданный мир чувств, мир абсолютный, повинующийся лишь самому себе и углубленный в самого себя; он существует помимо и независимо от материальных процессов вселенной; скорее вселенная должна повиноваться ему. Разве я не прав, посуди сам: где еще в окружающем нас бытии найдешь ты добро и зло, хорошее и дурное, прекрасное и безобразное, слитые воедино? Нигде, только в нашем сердце. А коль скоро это так, то не наше ли сердце, следовательно, конструирует мир и управляет им? Да, это она, логика нашего сердца! Я затаил свою речь, но все это для того, чтобы рассказать одну историю, о которой услышал несколько недель назад, над которой не перестаю размышлять по сей день; смысла ее я так и не постиг пока логикой ума, но почувствовал логикой, идущей из глубин сердца.

История эта вот такая. У моей матери была служанка, мы все выросли у нее на руках. Сейчас эта женщина больше не работает, ей уже лет шестьдесят, и она с моей мамой - верные подруги: сжились и очень привязались друг к другу. У нашей дорогой Мари был единственный сын - и он погиб на этой проклятой войне... Один-единственный сын двадцати трех лет... и больше никого, кроме старика-мужа.

Через год после войны останки убитых солдат привезли с полей сражений и торжественно погребли на кладбищах родной земли.

Любимый и утраченный сын был теперь снова с Мари - здесь, в Венеции, на окаймленном кипарисами Острове мертвых, на восточной стороне кладбища, под камнем с большим черным деревянным крестом в головах, с выведенной на нем цифрой 24. Это было все, что осталось от полного жизни юноши... ни имени, ни даже надгробья; ее сын был теперь всего лишь номер 24. Но для Мари это было все, это был целый живой мир, и каждую субботу она обязательно посвящала сыну. Бедная женщина шла на кладбище, покупала за выкроенные за неделю гроши цветы и свечи, чтобы украсить могилу сына. Нет, виноват, ошибся - чтобы украсить жизнь своего вечно живого сына. Долгие часы проводила она у его ног. Плакала, говорила с ним, потом просто сидела и молчала, и в долгом молчании ее углубленной в себя души воскресал ее мальчик: играл подле матери малышом, учил под ее присмотром школьные уроки, став юношей, осваивал выбранное им ремесло.

Вечером Мари возвращалась домой, утешенная и умиротворенная, с мыслями о следующем свидании через неделю. И так три года подряд, и в дождь, и в зной, постоянно и преданно... бедная Мари... бедные матери...

- Ваши матери неизмеримо счастливее - у них есть хоть сыновние могилы. У наших матерей нет и этого утешения: наших юношей злодейски убили насильники, тела их стали в пустыне добычей хищных зверей и ветров...

- Мне кажется, ваши матери счастливее: враги ваши не оставили ни матерей, ни сыновей, чтобы скорбеть друг о друге. Разве я не прав?

- Может быть, в этом есть своя правда...

- Однако это увело бы нас слишком далеко, дорогой друг, вернемся к нашей истории. Да... И вот однажды кладбищенское управление сообщило Мари: проверкой установлено, что произошла ошибка - могила ее сына не на правой, а на левой стороне, опять-таки под номером 24. Точно такая же могила - надгробный камень, черный крест... и невозможно описать горе и отчаяние Мари. Словно она снова, второй раз потеряла сына. Она убивалась дни и ночи напролет. Моя мать узнала об этом и привела бедную женщину к нам домой, чтобы утешить и не оставлять в одиночестве. У меня защемило сердце, когда я увидел Мари - она была в совершенном отчаянии.

- Мари, дорогая, зачем же так горевать? - сказал я, пытаюсь ее утешить. - Ведь твой сын погиб не сейчас, прошло уже лет шесть или семь, ты и так выплакала все глаза, хватит. Наконец, ты ведь не одна, таких, как ты, миллионы.

- Ах, сударь, что тут говорить, вы меня все равно не поймете. Три года мой сын оставался покинутым! Бедный мой мальчик тосковал по матери, весной на его могиле хлупала грязь, осенью валялись кучи листьев... а его мать в это время голубила другого, заботилась о другом, перед другим раскрывала душу... Ни с чем не сравнить мое горе, ни с чем!.. - и слезы душили бедняжку.

- Какая же разница, Мари! Представь себе, что это и был твой сын. Ну, подумай сама - ведь это же одно и то же, - убеждал я ее. - Ведь твой сын теперь ничего не чувствует, ведь твой сын теперь... - и я осекся, не закончив фразы: чуть было не вырвалось, что сын ее теперь обратился в прах, в ничто.

- Нет! Нет! - гневно оборвала меня Мари (она предугадала эти жестокие слова и не хотела слышать беспощадной правды). - Совсем не одно и то же! Мой сын - Карло, а тот, над которым я плакала... я и имени его не знаю... и в лицо никогда не видела... Тут и думать нечего! Разве это

одно и то же - я-то целовала чужой камень, а думала, что целую своего бедного сына... Ох, какая я была глупая, какая глупая!

И чем настойчивее я старался убедить ее, взывая к логике рассудка, что ведь все равно, любя и лаская того, другого, она любила своего сына, тем настойчивее она, опираясь на логику своего сердца, убеждала меня, что я неправ, что я не понимаю, не могу понять ее, а она не может понять меня. Мы и в самом деле не понимали друг друга. Как же мне было понять, что для нее вне реальной, материальной действительности существует другая, абсолютно для нее достоверная действительность, и в ней ее сын не умер, ее сын - хотя он и лежит под землей - напрягая слух, с тоской и любовью ждал желанных шагов матери, а мать бросила его, забыла, забыла!.. Да и могла ли она понять, что ее сын теперь обратился в прах, в ничто... никогда, никогда, никак!.. и тем более - могла ли она поверить?.. о нет, ни за что! Знаете, вера, которая ведь и есть само наше сердце, не может принять того, что противоречит стремлениям сердца. Ведь вера это и есть убеждение сердца. Да, да, непоколебимое убеждение нашего человеческого сердца.

В конце концов через несколько дней Мари ушла от нас, такая же безутешная, какой и пришла.

Мой друг замолк, зажег сигарету и лихорадочно затянулся. Любопытство мое было возбуждено, и я нетерпеливо спросил:

- А дальше? дальше?.. Как поступила бедная женщина? Вероятно примирилась с случившимся и, конец-то, начала ухаживать за могилой собственного сына...

- Я уже кончаю, - перебил меня мой друг. - Только логика чувств нашла выход, отличный от вашего решения. Да, я забыл сказать, что Мари одно время перестала было ходить на кладбище: с какими, мол, глазами она пойдет к сыну. Но теперь она ходит опять. Только теперь уже украшает цветами обе могилы, на обеих зажигает свечи, на обеих горюет, и целует тоже обе. "У меня теперь два сына, - говорит Мари, - мой Карло и тот другой, которого я принимала за сына, и которому рассказывала свои горести: он любил меня, как мать, слушал меня и плакал со мной. Как же я теперь могу оставить его одиноким!.. Двое моих сыновей лежат теперь в земле, два дорогих, любимых сына".

Бедные матери, бедное материнское сердце...

1923 г., Венеция.